

СОДЕРЖАНИЕ:

Уполномоченные Т. О. въ новой роли.—Балетъ въ Театр. училищѣ.—Разбитая иллюзія (Письмо въ ред.) *Д. Бисманова*.—Хроника.—Письма въ редакцію.—Сдача театровъ и ангажементы.—Маленькая хроника.—По провинціи.—Московскія впечатлѣнія. *С. Статкова*.—Новая драма (окончаніе). *М. Метерлинка*.—Закулисная тѣни. „Не у дѣлѣ“. *И. Ураицова*.—Театральныя замѣтки. *А. Курем*.—Провинціальная лѣтотпись.—Объявленія.

Рисунки и портреты: † Н. Н. Щегловъ, Е. О. Копенская. „Среди цвѣтовъ“, П. Лукки (3 портр.), „Любовь на стражѣ“, Спектакль писателей въ Москвѣ, „Ревизоръ“ въ театрѣ Режанъ, „Золото Рейна“.

Приложеніе: „Библиотека Театра и Искусства“, кн. III. „Ома Керковенъ“. Романъ *Корфуца Гольма* (пер. съ нѣмецк. *В. К.*). (Продолж.). Театральныя воспоминанія *Николаи Садовскаго*. Перев. съ украинскаго *А. Сакевичанской*. (Продолж.). „Въ концертѣ“. Сонетъ. *А. Дювого*. Морись Метерлинкъ. *Юлиана Шауфа* (съ нѣмецкаго). (Оконч.). Татарская мелодія. Стих. *И. Шибурова*. Пѣсни настроеній. *Д. Энгль*. „Старый другъ“, пьеса въ 4 д. *В. Томашевской*.

Отъ конторы:

Съ 14 № будетъ приостановлена высылка журнала гт. подписчикамъ въ разрѣдку, не сдѣлавшимъ къ 1-му апрѣля второго взноса.

За перемѣну адреса иногородни. на иногородній и городск. на городск.—25 к., иногор. на городск. и обратно—60 коп.

При высылкѣ взноса, равно какъ и при заявленіяхъ о перемѣнѣ адреса необходимо указывать № бандероли, по которой получается журналъ.

С.-Петербургъ, 30-го марта 1908 года.

Уполномоченные Т. О. въ роли блюстителя нравовъ, цензора и начальства. Въ Баку нѣкій г. Гагаринъ объявилъ спектакль со своей труппой, назвавъ себя въ афишахъ „извѣстнымъ артистомъ СПБ. театровъ“. Мѣстный уполномоченный Т. О. письмомъ въ редакцію газеты заявляетъ, что онъ, „состоя уполномоченнымъ Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества и принявъ на себя обязанность содѣйствовать развитію и нормальной постановкѣ театральнаго дѣла въ отведенномъ (sic!) районѣ“, не можетъ обойти молчаніемъ послѣдній фактъ, „безцеремоннаго профанированія драматическаго искусства и имени сценическаго дѣятеля“, а потому онъ „ставитъ на видъ“ это г. Гагарину.

Весьма, конечно, возможно, что рекомый Гагарину аферистъ и надувало. Ничего нѣтъ, пожалуй, несоответственнаго и въ томъ, что, убѣдившись въ этомъ, г. уполномоченный о томъ заявляетъ (разумеется, заранее принимая на себя отвѣтственность за клевету и диффамацию). Но что нетерпимо въ этомъ „распоряженіи“ г. бакинскаго уполномоченнаго—это тонъ начальства, которое онъ изволитъ разыгрывать, и явное непониманіе роли уполномоченнаго. Т. О. ни сыскомъ, ни надзоромъ за театральными предпринимателями не занимается, по крайней мѣрѣ не должно заниматься. „Ставить на видъ“ оно не можетъ. Г. уполномоченный ошибся родомъ службы: ему слѣдуетъ поступить въ полицеймейстеры. Кстати: это, можетъ быть, не помѣшаетъ и пребыванію его въ уполномоченныхъ, такъ какъ изъ отчетовъ Общества извѣстно, что въ Оренбургѣ уполномоченнымъ Т. О. былъ полицеймейстеръ, а можетъ быть и теперь имъ состоитъ. И все-таки говорить онъ долженъ былъ-бы въ качествѣ

полицеймейстера, а не въ качествѣ уполномоченнаго Т. О., и только въ первомъ, а не во второмъ его качествѣ, могъ быть спокоенъ за козырянье городскихыхъ...

Балетъ въ Театральномъ Училищѣ.

При дирекціи Императорскихъ театровъ въ настоящее время работаетъ коммисія, учрежденная для пересмотра программы драматическихъ курсовъ при Петербургскомъ театральномъ училищѣ.

Безусловно, пересмотръ программы курсовъ и даже самаго метода преподаванія драматическаго искусства необходимъ, но еще болѣе нуждается въ пересмотрѣ, обновленіи и расширеніи программа балетнаго отдѣленія того-же училища.

За границей балетъ, какъ самостоятельный родъ искусства, уже почти не существуетъ.

Единственно, гдѣ балетъ еще держится на высотѣ, гдѣ даже своими врагами онъ не можетъ не признаваться за искусство, это — Россія. Вотъ именно поэтому-то на лицахъ, стоящихъ во главѣ нашего балета и его школы, лежитъ нравственная обязанность сдѣлать все возможное, чтобы помочь ему развиваться и совершенствоваться.

Было время, когда балетному артисту можно было обходиться безъ художественнаго образованія, когда достаточно было умиѣть выдѣлывать извѣстныя расы и безпрекословно подчиняться указаньямъ балетмейстера. Но время это прошло. Уровень художественнаго развитія публики повысился. Отъ артиста балета она требуетъ теперь цѣлага, т. е. соединенія всѣхъ элементовъ этого искусства: пластики, грации, мимики, техники въ танцахъ, а главное, одухотворенія создаваемого артистомъ образа.

Кому, какъ не артисту балета, все искусство котораго состоитъ въ передачѣ разнородныхъ чувствъ и ощущеній единственно при посредствѣ игры лица и жестовъ, болѣе всего необходимо знакомство съ научной стороной мимики, основанной на психологии, физиологии и анатоміи. Можетъ быть отъ недостатка среди артистовъ научныхъ знаній по мимикѣ, такъ называемая условная, спеціально балетная, жестикуляція и остановилась на точкѣ замерзанья, не сдѣлавъ на своихъ глазахъ за двадцать пять лѣтъ ни шагу впередъ.

А кому же болѣе нужно знать исторію костюма: драматическому артисту, выступающему лишь изрѣдка въ такъ называемыхъ костюмныхъ пьесахъ, или балетному, почти ежедневно появляющемуся на сценѣ (въ операхъ и балетахъ) въ костюмахъ разныхъ эпохъ и національностей? Между тѣмъ на драматическихъ курсахъ по этому предмету читаются лекціи, а въ балетномъ отдѣленіи о немъ и не слышали.

А исторія хореографическаго искусства?

А исторія происхожденія національныхъ танцевъ? А знакомство съ происхожденіемъ старинныхъ балетныхъ танцевъ въ связи съ нравами и обычаями той среды и эпохи?

Ничего этого нѣтъ въ программѣ балетнаго отдѣленія театральнаго училища.

Не такъ давно еще не было въ училищѣ даже и такихъ насущно-необходимыхъ практическихъ классовъ, какъ мимики, характерныхъ танцевъ и грима.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ стараньями г. Крупенскаго пробѣлъ этотъ пополненъ и классы теперь существуютъ, руководимые лучшими въ Петербургѣ преподавателями.

Но не слѣдуетъ останавливаться на сдѣланномъ. Нужно ввести, хотя бы для старшихъ классовъ, чтеніе лекцій по перечисленнымъ предметамъ, а также учредить практическіе классы: пластики (по методѣ А. Дунканъ), старинныхъ бальныхъ танцевъ и историческаго, если можно такъ выразиться, фехтованья, т. е. на мечехъ, алебардахъ, навахехъ и проч.

Кромѣ того, нельзя не признать необходимымъ общее художественное развитіе учащихся, для чего необходимо знакомить ихъ съ находящимися въ нашихъ музеяхъ лучшими произведеніями живописи и скульптуры, съ этнографическими коллекціями музея Академіи наукъ и т. п., и развивать ихъ музыкальный вкусъ.

Безспорно, слѣдуетъ также обратить вниманіе на преподаваніе въ училищѣ музыки и рисованія, равно какъ и на изученіе новыхъ языковъ, основательное знаніе которыхъ при бѣдности нашей литературы въ области пластики и мимики, прямо необходимо каждому балетному артисту.

Какъ важно балетному артисту обладать художественнымъ образованіемъ, мы видимъ яркій примѣръ на нашихъ балеринахъ-художницахъ и на нѣкоторыхъ первыхъ артистахъ, которые никогда безъ этого не дошли бы до такой степени совершенства, несмотря даже на ихъ выдающіеся таланты.

И. К. де-Лазари.

Подъ заглавіемъ „Разбитая иллюзія“, мы получили отъ Д. И. Васманова слѣд. письмо:

„Въ № 7 „Т. и Иск.“ напечатанъ послѣдній циркуляръ министерства, разосланный губернаторамъ и имѣющей цѣлью положить конецъ произволу относительно снятія разръшенныхъ пьесъ. Увы, какъ быстро приходится придти къ грустному выводу: циркуляръ П. А. Столыпина не въ силахъ сломить упорство губернаторовъ. Вотъ примѣры: на 5-й и 6-й недѣляхъ поста я рѣшилъ съ частью своей зимней нижегородской труппы организовать въ Нижнемъ-Новгородѣ рядъ спектаклей, причемъ наиболѣе существенными боевыми новинками репертуара были намѣчены „Власть плотн“ Протопопова и „Король“ Юшкевича. Цензурованные экземпляры пьесъ были своевременно предъявлены полиціей-мейстеру, анонсъ подписанъ... Оказывается, однако, печать главнаго управленія по дѣламъ печати и послѣ циркуляра имѣеть въ глазахъ нижегородскаго губернатора такъ же мало значенія, какъ и до циркуляра. Обѣ пьесы были потребованы для прочтенія губернаторомъ и признаны для *представленія неудобными*. Напрасны были всѣ доводы, напрасны и ссылки на циркуляръ. Не безъ ироніи мнѣ было указано, что въ каждомъ циркулярѣ можно [найти свое „но“. Такое „но“ имѣется и въ данномъ циркулярѣ; есть оговорка, что, если губернаторъ въ силу „мѣстныхъ условій“ признаетъ постановку пьесы неудобной, то онъ долженъ только донести о причинахъ главному управленію по дѣламъ печати, а „что донести“—всякій губернаторъ всегда найдетъ. Казалось бы, что трудно найти „мѣстныя условія“, которыя соприкасались бы съ сюжетомъ пьесы „Власть плоти“. Мною отправлена телеграмма съ просьбой сдѣлать соотвѣтствующее распоряженіе, но, откровенно говоря, та увѣренность въ своемъ „правѣ“, которая звучитъ въ тонѣ г. нижегородскаго губернатора, не даетъ мнѣ особыхъ надеждъ на успѣхъ жалобы. Въ заключеніе я считаю себя въ правѣ заявить, что если министерство дѣйствительно хочетъ измѣнить ненормальныя условія, въ которыхъ находится театръ, то долженъ быть изданъ такой ясный и категорическій циркуляръ, который не оставялъ бы никакой лазейки для мѣстной власти, въ которомъ разъ навсегда, независимо ни отъ какихъ бы то ни было „мѣстныхъ условій“, цензура главнаго управленія по дѣламъ печати была бы окончательной и обязательной для всѣхъ мѣстныхъ властей.

Нижегородскій антрепренеръ *Д. Васмановъ.*

Н.-Новгородъ.
26 марта 1908 г.

Вмѣсто новогоднихъ поздравленій.

(Подписка въ пользу Убѣжища и Приюта Театр.Общ.).

(Продолженіе списка. См. №№ 1, 2, 3, 4, 6, 9 и 10).

Отъ Маріи Никол. Славичъ 5 р.
Отъ Ал. Ник. Помпа-Лирскаго 5 р.

А всего съ прежде поступившими 2557 р. 80 к.

ХРОНИКА.

Слухи и вѣсти.

— Бывшій завѣдующій репертуаромъ московскаго Малаго театра, г. Нелидовъ, вступившій было въ число директоро́въ московскаго Художественнаго театра, на-дняхъ послалъ дирекціи послѣдняго отказъ, ссылаясь на незначительность работы, отведенной ему дирекціей театра. Какъ говорятъ, этотъ отказъ связанъ съ приглашеніемъ г. Нелидова въ петербургскую дирекцію Императорскихъ театровъ. Кстаги, и дебютъ въ Александринскомъ театрѣ г-жи Гзовской также обьясняется измѣненіемъ рѣшенія артистки вступить въ труппу московскаго Художественнаго театра и переводомъ ея изъ московской труппы въ петербургскую императорскую труппу.

— Театръ „Неметти“ (на Петерб. ст.) снялъ на 5 лѣтъ извѣстный провинціальныи антрепренеръ и режиссеръ М. Т. Строевъ, послѣдніи 6—7 лѣтъ державшій антрепризу въ Перми и Екатеринбургѣ. Не подавляя личности актера и давая возможность выявляться индивидуальности каждаго, М. Т. Строевъ въ то же время ярый сторонникъ художественнаго ансамбля. Въ труппѣ его имѣется кадръ сотруднико́въ, много лѣтъ под-рядъ работающихъ въ его дѣлѣ. Труппа эта, пополненная многими вновь приглашенными артистами, будетъ играть въ Петербургѣ.

Театръ перешель къ г. Строеву съ 1-го мая, но эксплуатировать его г. Строевъ намѣренъ лишь съ 1-го сентября.

— Въ „Невскій фарсъ“ В. А. Казанскаго на булушій сезонъ приглашены: К. Гаринъ (ком.-прост.), гг. Бахметьевъ и Кречетовъ изъ театра Н. Д. Красова.

— Артистѣ театра Литер.-Худож. Общества г. Баратовъ на зиму подписалъ контрактъ въ Тифлисъ.

— По докладу П. А. Столыпина, пожаловано званіе заслуженнаго профессора, профессорамъ консерваторіи А. Есиповой, Л. Ауэръ и В. Шуберту.

— Съ пасхи въ театрѣ Коммисаржевской начинаются спектакли еврейской труппы.

— Изъ Нью-Йорка „Бирж. Вѣдом.“ пишутъ, что владѣлица театра „Thalia“, который сняла г-жа Коммисаржевская, послѣ неудачи въ центральномъ театрѣ, оказалась подъ бойкотомъ. Артисты объявили забастовку и бойкотъ театру съ санкціи громаднаго союза еврейскихъ артистовъ и театральныхъ служащихъ. Коммисаржевская съ труппой очутилась подъ бойкотомъ.

Нижне-нью-йоркскій актерскій союзъ выпустилъ печатныя воззванія, прося публику бойкотировать труппу. Кромѣ того, союзъ предполагаетъ, въ видѣ протеста противъ Коммисаржевской, созвать цѣлый рядъ массовыхъ митинговъ.

Въ общемъ, цѣлый рядъ злоключеній.

— Лѣтній театръ Ограновича въ г. Лугѣ снятъ П. С. Яблочкиной подъ драму въ компаніи съ А. М. Анчаровымъ.

— Часть товарищества артистовъ литер.-худож. общества, играющаго теперь въ Новомъ театрѣ, съ г. Глаголинымъ во главѣ, предполагаетъ съ Пасхи играть въ Саратовѣ; остальные же члены товарищества будутъ продолжать спектакли до 15-го мая.

— Цикль лекцій по вопросамъ искусства и театра въ Театральномъ клубѣ завершается лекціей Л. С. Бакста, который будетъ читать, 1-го апрѣля, на тему „Будущая живопись и ея отношеніе къ античному искусству“.

— Зудермановскія „Розы“ включены въ репертуаръ Александринскаго театра и пойдутъ въ началѣ будущаго сезона.

— Въ театрѣ Литер.-Худож. Общества на роли любовниковъ приглашенъ провинціальныи артистъ г. Нерадовскій. Труппу, по слухамъ, оставили г-жа Яблочкина, Строгонова, гг. Е. П. Карповъ, Баратовъ, Діевскій, Судьбининъ и др. Поступили г-жа Кирова и Тенишева.

— 26 марта скончался поэтъ Алексѣй Михайловичъ Жемчужниковъ.

— Пьеса „Пасынки жизни“ Давида Бенарье переведена на разговорно-еврейскій языкъ (жаргонъ) и разрѣшена къ постановкѣ на еврейской сценѣ.

Московскія вѣсти.

— Въ группу Художеств. театра приняты съ провинціальной сцены помощникъ режиссера А. Н. Уральскій.

— 24 марта выѣхало изъ Москвы товарищество оперныхъ артистовъ, въ составъ котораго вошли: г-жи Позднякова, Зандерсъ, Шихуцкая-Минченко, Невѣрова; гг. Стрѣльцовъ, Розановъ, Мионовъ, Рышковъ, Сергѣевъ. Режиссеромъ приглашенъ г. Альтшулеръ, дирижеромъ—г. Сталлерманъ.

— Московское попечительство о народнои трезвости на дняхъ приступаетъ къ сооружеиію новаго лѣтняго народнаго театра близъ московско-брестской ж. д. Театръ разсчитанъ свыше чѣмъ на 1,200 человекъ. Открытіе предполагается въ первыхъ числахъ мая.

— Дирекція Большаго театра заключила контрактъ съ молодой пѣвицей г-жей Балановской на три года на окладѣ 7, 8 и 9 тыс. руб. въ годъ.

— Въ бюро разсматривалось заявленіе П. П. Медвѣдева по поводу артиста Алексѣева-Месхіева, который, подписавъ съ Медвѣдеву въ Нижній, подписалъ также контрактъ и къ Багрову въ Одессу. Совѣтъ состоялъ изъ гг. Витарскаго, Красова и Васильева, которые рѣшили, чтобы г. Алексѣевъ-Месхіевъ заплатилъ неустойку г. Медвѣдеву.

— Данъ дебютъ въ Большомъ театрѣ артисткѣ г-жѣ Калиновской (драматическое сопрано). Артистка выступить на шестой недѣлѣ поста въ „Пиковой дамѣ“, въ партіи Лизы.

— Интернаціональный театръ на пасхальную недѣлю снятъ антрепренеромъ г. Левицкимъ подъ опереточные спектакли. Въ составъ труппы входятъ: г-жа Тамара, гг. Михайловъ, Радомскій, Вавичъ, Августовъ.

— Гастроли „Стариннаго театра“ заинтересовали публику. Сборы хорошіе.

— Г-жа Хрѣнникова покидаетъ сцену Большаго театра. Контрактъ съ ней дирекція не возобновляетъ.

— Дирекція зоологическаго сада, какъ и въ прежніе годы, для завѣдыванія увеселительной частью предстоящимъ лѣтомъ, пригласила Р. Р. Вейхеля, которому поручено составить драматическую труппу для открытаго театра.

* * *

† **И. Н. Пушкинъ.** Въ Москвѣ, въ ночь на 26 марта, послѣ 3-хъ мѣсячной болѣзни, скончался извѣстный куплетистъ-гитаристъ Иванъ Николаевичъ Пушкинъ (Чекрыгинъ). И. Н. скончался отъ кровоизліянія въ мозгъ и паралича лѣвой стороны. Покойный былъ извѣстенъ всей Россіи какъ великолѣпный гитаристъ и неподражаемый разсказчикъ и куплетистъ.

Карьеру свою И. Н. началъ въ Кіевѣ, въ 1865 году у антрепренера Г. Бергера. Прослуживъ 2—3 года, И. Н. началъ самостоятельную концертную работу по Россіи, создавъ новый жанръ—гитариста-куплетиста.

У И. Н. много своихъ сочиненій, преимущественно на популярныя мотивы изъ оперъ и оперетокъ; среди такихъ извѣстныхъ вещей его огромнаго репертуара можно назвать: „Не хнычь, мой купидонъ, напрасно“ (Демонъ), „Подошолъ мы къ твоей окошкѣ“ (Фаустъ), „Тройка“, „Хуторокъ“ и мн. др.

Покойному было 67 лѣтъ. Послѣ покойнаго осталась жена (вторая) и двое сыновей (отъ перваго брака).

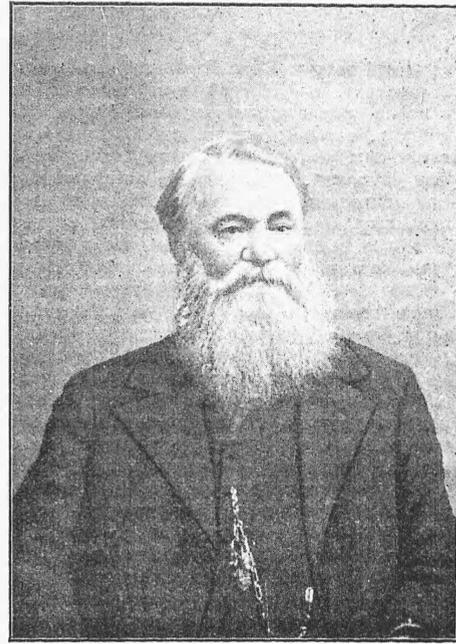
* * *

Намъ пишутъ изъ **Москвы**: 27-го марта, въ Литературно-Художественномъ Кружкѣ былъ данъ спектакль въ пользу недавно образовавшагося общества дѣятелей періодической печати и литературы. Были поставлены толстовскіе „Плоды просвѣщенія“, при чемъ всѣ мужскія роли исполнены московскими писателями и журналистами. Въ качествѣ гастролера—Е. Н. Чириковъ, отлична игравшій перваго мужика. Въ спектаклѣ участвовали: драматурги Гославскій, авторъ „Разрывъ-Травы“ и „Расплаты“ (2-й мужикъ), Разумовскій, авторъ „Юной бури“ (Федоръ Ивановичъ), С. Мамонтовъ, авторъ „Сочельника“ и „Сельца Отраднаго“ (Звѣздинцевъ), экспромтомъ замѣнившій заболѣвшаго г. Пазухина; балетристъ Телешовъ (артельщикъ отъ Бурдье); поэты Кречетовъ (Григорій), Ходасевичъ (Вово), Гиляровскій (кучеръ), Гавриловъ (Семень); журналисты Потресовъ-Яблоновскій (поварь), Любошицъ (Гроссманъ), Ермиловъ (3-й мужикъ), Шмитъ (Сахатовъ), Родионовъ (Яковъ), Копранскій (Петрищевъ) и др. Женскія роли исполняли артистками Юлшиной, Ильнарской, Рындиной, г-жами Потресовой, Эккъ и др. Режиссировалъ спектакль Н. Н. Синельниковъ, руководившій первыми репетиціями, и г. Тарскій. Организовалъ спектакль г. Мунштейнъ. На выходахъ были многіе писатели—Бор. Зайцевъ, Тимковскій, Бѣлоусовъ и др.

Спектакль хорошо сложенъ и шель совсѣмъ гладко. Изъ отдѣльныхъ исполнителей лучше другихъ гг. Чириковъ, Гавриловъ, Шмидтъ, Родионовъ, Разумовскій. Объ артисткахъ, конечно, не говоримъ. Имъ и карты въ руки.

Спектакль собралъ очень многочисленную публику и далъ сбора свыше 2,500 руб. Расходы же минимальныя, такъ что въ кассу молодого общества поступить весьма солидная сумма.

* * *

† И. Н. Пушкинъ.

Отлагая до будущаго № письмо нашего сотрудника С. А. Свѣтлова, предсѣдательствовавшаго на съѣздѣ режиссеровъ, о ходѣ его работъ, сообщаемъ пока краткія свѣдѣнія.

Съѣздомъ приняты слѣдующія постановленія:

1) Поручить союзу сценическихъ дѣятелей устройство вел. постомъ правильно организованныхъ лекцій, по вопросу о художественныхъ постановкахъ.

2) Позаботиться объ организациіи образцовыхъ спектаклей, которые служили бы иллюстраціями этихъ лекцій.

3) Имѣть въ виду со временемъ организовать въ Москвѣ театръ имени А. Н. Островскаго на кооперативныхъ началахъ, гдѣ играли бы лучшія силы провинціи.

4) Учредить конкурсъ съ преміей для лучшаго руководства для режиссеровъ.

5) Приступить къ изданію справочника, гдѣ имѣлись бы указанія на всѣ имѣющіяся и важныя для режиссера изданія.

Относительно амплуа принята слѣд. резолюція:

Съѣздъ режиссеровъ принципиально, въ цѣляхъ свободнаго развитія театральнаго искусства, высказывается противъ амплуа, но находитъ, что временно амплуа должны быть сохранены для огражденія правъ артиста.

По вопросу о правахъ автора, актера и режиссера съѣздомъ принята слѣдующая резолюція:

Не отрицая правъ режиссера на главное руководительство и дисциплинированіе коллективнаго художественнаго труда, режиссеръ все же не долженъ подавлять, даже во имя ансамбля, самостоятельное творчество актера, если оно не измѣняетъ смысла и сюжета пьесы. Всѣ недоразумѣнія на этой почвѣ разрѣшаются примирительно-совѣщательными камерами.

* * *

Маринскій театръ. Постановка „Зигфрида“ Вагнера мало отличалась отъ прошлогодней. Во всемъ чувствовалось желаніе какъ-нибудь провести циклъ музыкальныхъ драмъ, не забываясь объ ихъ грандіозныхъ замыслахъ. Сцены, представляющія существенно важное значеніе для уясненія ихъ идейной стороны, сокращаются до невозможности, безцеремонно. Напримѣръ, въ третьемъ дѣйствіи діалогъ между Вотаномъ и Эрдой, очень красивый и въ чисто музыкальномъ значеніи, сокращенъ на половину. Въ 1-мъ актѣ загадки путника Миме сокращаются по строчкѣ, а иногда и менѣе. При этомъ характеръ движенія и красивой гармонической модуляціи пропадаетъ. Превосходный заключительный дуэтъ между Зигфридомъ и Брунгильдой тоже сокращенъ. Вообще всѣ купюры оставляютъ досадное впечатлѣніе. Въ сценическомъ отношеніи хороши были Ершовъ въ главнйо роли, Давыдовъ (Миме) и Брунгильда (г-жа Куза). Красиво спѣли свою партію Альберихъ (Смирновъ) и Эрда (Збруева). Послѣдняя съ своимъ звучнымъ низкимъ голосомъ, какъ нельзя лучше, идетъ къ роли спокойной и вѣщей богини Земли. Оркестръ за весьма немногими исключеніями игралъ увѣренно подъ управленіемъ г-на Блуменфельда

Больше всего овацій выпало на долю талантливаго Ершова. Ему поднесены цвѣты.

В. С.

* * *

Александринскій театр. Г-жа Гзовская, изъ-за которой, какъ писали въ газетахъ, въ Москвѣ чуть было не возгорѣлась Троянская война, переводится въ Петербургъ. „Инцидентъ“, такимъ образомъ, исчерпывается... для Москвы. Что сказать о г-жѣ Гзовской? Она выступила въ роли Теи въ зудармановской пьесѣ „Среди цвѣтовъ“. Роль эту она играла въ Москвѣ около 60 разъ—неудивительно, что она ведетъ роль твердо и увѣренно. У нея подходящія данныя—молодость, наружность, фигура. Роль вѣрно передается психологически, правильно размѣчена, умно поставлена. Видно, что она проходитъ роль съ хорошемъ учителемъ. Но далѣе необходимо отмѣтить: утомительное обиліе деталей—особенно въ мѣстахъ шаловливыхъ—„многоиграніе“, стремленіе слѣзлатъ себя центромъ вниманія и все время приковывать взгляды публики. „Красованіе“—есть первый минусъ. Отсутствие драматической нотки, нервного захвата—второй минусъ. Отсутствие опредѣленной индивидуальности, личной страсти, натуры—мы бы считали третьимъ минусомъ, но возможно, что натура спрятана подъ многоиграніемъ и режиссерскими ухищреніями. Конечно, г-жа Гзовская обладаетъ способностями, но она можетъ зажечь пожаръ въ сердцахъ Художественнаго театра,—едва ли море искусства. На ея исполненіи, на всей фактурѣ роли лежитъ печать дрессировки московскаго Худож. театра—пренебреженіе стариной эмоциональной въ пользу „предметнаго впечатлѣнія“. Г-жа Гзовская имѣла успѣхъ, съ чѣмъ мы ее и поздравляемъ. Изъ нея можетъ выработаться хорошая актриса, если она будетъ углублять духъ и меньше думать о деталяхъ, нустякахъ, улыбкахъ, позахъ. Искренность чувства—вотъ единственный учитель, который не выдастъ.

И. нов.

* * *

Украинскій театр. Едва успѣли мы посмотреть „Ревизора“ на украинскомъ языкѣ, какъ г. Суходольскій преподноситъ публикѣ „Власть тьмы“, подъ названіемъ: „Воля Темрявы“.

Конечно, въ постановкѣ „Власти тьмы“ на украинской сценѣ нѣтъ ничего страннаго; такая драма можетъ произойти какъ въ великорусской, такъ и въ малорусской деревнѣ.

Но г. Суходольскій, типичный провинціальный антрепренеръ, прикидывающій мѣрку Царевококшайска къ Петербургу, „перушерствовалъ“. Онъ перевезъ дѣйствующихъ лицъ изъ Тульской губ. въ Полтавскую, нарядилъ ихъ въ свитки, шаровары и бараньи шапки. Это все равно, какъ если бы италянцы, игравшіе „Власть тьмы“, нарядили Акима въ неаполитанскій костюмъ. Настроилъ г. Суходольскій бѣлыхъ мазанокъ, наставилъ горілки и др. аксессуары малорусской сцены... И наконецъ, отъ великаго суходольскаго разума, ввелъ украинскія пѣсни и разудалый гопакъ...

Однообразный этнографическій жанръ, очевидно, до того вошелъ въ кровь и плоть Суходольскаго, что играя Толстого, актеры неизмѣнно сбивались на трафаретныхъ Горпынь, Настусь, Грыцьковъ и пр.

Въ передачѣ г. Суходольскаго совершенно ступсвалась фигура Акима. Въ его игрѣ не чувствовалось ни святой простоты, ни задумчивости этого мужика. Получилась какая-то сухая, дидактическая фигура, безмысленно повторяющая: „тѣе“... Скучно, безъ малѣйшей экспрессіи провела свою яркую, живую роль г-жа Дикова. Между тѣмъ отъ этой артистки можно было ожидать лучшаго уже потому, что ея фамилія напечатана жирнымъ шрифтомъ...

Г-жа Тополя нѣсколько утрировано изобразила Акулину, придавъ ей черты феноменальной дуры. Шаржъ портилъ драматическіе моменты пьесы.

Страшной, легендарной старухой изъ малорусской мелодрамы загримировалась г-жа Вазарова. И въ ея исполненіи совершенно исчезъ реальный образъ деревенской старухи. Благообразный мужикъ и жалкій чахоточный г. Петрашъ. Мало экспрессіи въ игрѣ г. Оршанова. Его „Мыкыта“ былъ заурядный деревенскій хлопцевъ, лихо носящій картузъ на затылкѣ. Митричъ въ исполненіи г. Дзбановскаго былъ бы вполне удовлетворителенъ, если бы артистъ менѣе зычно восклицалъ: Господи, Мыкола Мылостывый!“...

Вообще я никогда не думалъ, что Тульская губ. такъ сильно разнится отъ Полтавской. Здѣсь не только самобытная декорация, но и самобытное толкованіе пьесы. Впрочемъ, публикѣ это „сочиненіе“ А. А. Суходольскаго очень понравилось. Особенно тѣ мѣста пьесы, гдѣ веселые парубки пляшутъ гопакъ и пьяные „хлопцы“ до „упаду“ пьютъ неизмѣнную горілку.

Сергій Г.—ъ.

* * *

Новскій Фарсъ. Вторая новинка великопостнаго сезона „Сатиръ“ оказалась отнюдь не постной—а посему сзаетъ, вѣроятно, гвоздемъ конца сезона. Положенія въ „Сатирѣ“ такъ перепутаны, что развязать ихъ, либо связно разсказать—болѣе чѣмъ трудно. Впрочемъ, въ нынѣшнемъ фарсѣ не содержаніе важно. Не въ содержаніи тутъ было дѣло. Важно,

что „Сатиръ“ идетъ подъ почти несмолкаемый хохотъ публики, лишь временами смолкающей—когда артистки являюгся даже безъ dessous. Публика перестаетъ слушать, хохотать,—превращается въ олицетворенное зрѣніе. „Сіе есть важно“. Въ этомъ отношеніи впереди другихъ (на полъ корпуса—сказали бы на скачкахъ) идетъ г-жа Легаръ-Лейнгардтъ. Старалась не отставать и г-жа Антонова, новая для насъ актриса. Пока трудно о ней что нибудь сказать, такъ какъ въ ея роли больше оголенія, чѣмъ словъ.

Недурно держится на сценѣ г-жа Орленева (Раймонда). Слишкомъ развязанъ г. Пронскій (Гекторъ). Вращать бѣлками и размахивать руками еще не значить играть. Изъ старыхъ знакомыхъ—г. Долинъ—даровитый актеръ—играетъ, къ сожалѣнію, крайне небрежно, спуская рукава. Недурень былъ г. Пальмъ (Корнайль). Г-жа Легать играла, конечно, роль пылкой старухи (Берта), играла, какъ и всегда, по одному шаблону. Г-жа Гриневская, по-прежнему, играетъ „bèbè“. Совершенно не воспользовался своей благодарной ролью г. Гнѣдичъ (Вердусъе). Въ заключеніе шла „оперетка“ (такъ увѣряютъ афиши) „Ровно въ полночь“. О ней ровню нечего сказать, кромѣ того, что въ 12 часовъ по ночамъ изъ гроба встаетъ канканерщикъ...
Victor.

* * *

Гастроли бр. Адельгеймовъ привлекаютъ и въ этотъ прїездъ, какъ и въ прежніе, публику. Иные склонны объяснять успѣхъ артистовъ рекламой, но это несправедливо—и прежде всего фактически. Реклама гораздо менѣе благоприятна бр. Адельгеймамъ, чѣмъ другимъ гастролерамъ. Надо признать несомнѣннымъ, что они нравятся публикѣ—нравится и репертуаръ ихъ, и постановка дѣла, когда они гастролерируютъ, и сами они, какъ артисты, серьезно, добросовѣстно и чутко относящіяся къ своему призванію. Въ томъ дѣлѣ, которому они служатъ, для нихъ нѣтъ мелочей, не стоящихъ вниманія. Не оставяя работы, они совершенствуютъ свое исполненіе въ преѣздахъ своего дарованія. Впечатлѣніе отъ исполненія бр. Адельгеймовъ не всегда сильно, но оно ровно и дѣльно. И въ этомъ причина успѣха.

Какъ и въ прошлые прїезды, для перваго спектакля была поставлена „Казнь“ г. Ге. Въ роли Годды, конечно, можно ожидать болѣе пылкаго темперамента, большой яркости красокъ, чѣмъ даетъ г. Роб. Адельгеймъ. Но съ внѣшней и внутренней стороны типъ дается законченный. Поесть г. Роб. Адельгеймъ свои шансонетки и романсы отлично, со вкусомъ и тонкимъ музыкальнымъ чувствомъ. Для втораго спектакля шелъ „Урїэль Акоста“. Раф. Адельгеймъ—сочный и яркий бень Акиба. Роль Урїэля Роб. Адельгеймъ ведетъ нынче глубже и серьезнѣе, выдвигая на первый планъ мыслителя, молодого Спинозу, котораго мысль устремлена въ область умозрѣнія. И опять—выдержанно и ровно, ровно и выдержанно.

Публика радушно принимаетъ гастролеровъ. При встрѣчѣ имъ были поданы хлѣбъ-соль, вѣнки и пр. Ансамбль очень приличенъ. Главныя женскія роли играетъ опытная артистка, г-жа Черновская.
А. Ш.

* * *

Экзаменаціонный спектакль. Приходится развести руками передъ тѣмъ полнымъ отсутствіемъ литературнаго вкуса, какое обнаружилъ г. Озаровскій, заставивъ своихъ учениковъ играть нелѣпую и бездарную италянскую мелодраму Фостриери „Ужасъ жизни“. Въ этой пьесѣ все—„нарочно“, все—„вдругъ“. Ужасъ жизни показанъ въ такихъ наивно-шаблонныхъ формахъ, съ такимъ „притянутымъ за волосы“ нагроможденіемъ въ одну кучу разныхъ бѣдъ, приуроченныхъ какъ разъ „къ случаю“, что пьеса становится съ самаго начала какъ-бы уже извѣстной до конца и зрителю неинтересной; страданія ся героевъ не трогаютъ души, потому что эти герои—не живые люди, а говорящія куклы.

Экзаменовавшихся учениковъ трудно судить по такой сценической макулатурѣ. Изобразить борьбу и муки картонныхъ людей—это вѣдь безнадежное дѣло. Къ тому же экзаменовавшиеся ученики не обладаютъ и темпераментомъ. Г-жа Варяжская, при симпатичныхъ внѣшнихъ данныхъ, играетъ просто, свободно держится на сценѣ, но все это не идетъ дальнѣе приличнаго любительства, причемъ вредитъ дѣлу южный акцентъ. Недостатками рѣчи грѣшатъ у Озаровскаго нѣсколько ученицъ и учениковъ.

Г. Стоврогину не подходятъ роли съ драматической окраской, между тѣмъ въ веселой молодой роли („Утро жениха“, Шницлера) онъ играетъ очень жизненно; дебютантъ не умѣетъ гримироваться. Г. Линовскій въ роли ростовщика копировалъ своего учителя г. Озаровскаго настолько усердно, что вмѣсто индивидуальнаго исполненія получался грамофонъ.

Въ „Утрѣ жениха“ г-жа Кирсанова такъ характерно, съ такимъ разнообразіемъ нюансовъ, играла роль „погибшаго, но милаго созданья“, что заставляла порой забывать недостатки своей дикціи. Если дебютантка силою воли и труда побѣдитъ ихъ, то она можетъ стать желательной для сцены серьезной, умной артисткой, обладающей способностью давать разнообразныя и живые образы.

Е. О. Коневская,

русская скрипачка, играющая въ настоящее время съ большимъ успѣхомъ за границей.

Школа при Литер.-Худож. Обществѣ, послѣ зимняго дебюта въ археологическихъ пьесахъ, гдѣ можно было научиться лишь тому, какъ играли въ старину и какъ играть не надо, на этотъ разъ выступила съ красивой, чисто-декламационной, стихотворной пьеской изъ легендарнаго восточнаго быта— „Шахзада“ князя Касаткина-Ростовскаго.

Н. Н. Арбатовъ хорошо выдрессировалъ ученицъ и учениковъ въ смыслѣ техники, но судить о нихъ было трудно. Слишкомъ ужъ они „перучены“, у всѣхъ—одна манера игры, съ пѣвчимъ пафосомъ...

Хорошія средства у г-жъ Мономаховой, Глаголевой, г. Ступцова.

Н. Тамаринъ.

* * *

Концертъ піаниста Дроздова, вернушагося изъ-за границы, привлекъ вниманіе нашей публики. На этотъ разъ, видимо, піанистъ былъ не въ ударѣ и въ результатѣ получился довольно утомительный вечеръ. Прекрасный техникъ, прошедшій хорошую школу, г. Дроздовъ въ то же время является слабымъ истолкователемъ тѣхъ произведеній, которыя онъ такъ безупречно передаетъ съ технической стороны. Это очень хорошей мастеръ, не не трогающій вась художникъ. Вполнѣ понятно, что изъ программы концерта 14-го марта артисту лучше всего удалась: скерцо Е moll Мендельсона, Арабески Шульцъ-Эвлера, Walse Caprice А. Рубинштейна. Поэтъ рояля—Ф. Шопень, отсутствовалъ, конечно не въ программѣ, а въ исполненіи. А жаль!—мы всё его такъ любимъ.

П. Б.

Письма въ редакцію.

М. Г. Устроивъ великопостную поѣздку въ г. Лодзь, я собралъ солидный ансамбль изъ 35 человекъ; но приѣхавъ въ Лодзь, я нашелъ театральную публику, истощенную гастролями г. Адельгеймовъ, г-жи Комиссаржевской и труппой малороссовъ. Широко поставленное мною дѣло не окупалось сборами, а потому я прекратилъ его черезъ полъ-мѣсяца, сполна уплативъ жалованье за мѣсяцъ труппѣ, которой выражаю мою благодарность за прекрасное отношеніе къ моему дѣлу и за тотъ художественный успѣхъ, который сопровождалъ игру артистовъ.

Пр. и пр. *Л. Добровольскій.*

М. Г. Обращающимся ко мнѣ за свѣдѣніями по поводу комедіи „Ренессансъ“ въ моемъ переводѣ (по поводу постановки ея, принятыхъ на сценѣ петербургскаго Литературно-Художественнаго театра сокращеній—и т. п.) прошу сообщить съ редакціей „Театра и Искусства“, прошу обратиться въ контору этого журнала за высылкой этой пьесы, о чемъ меня неоднократно письменно просили несомнѣнные читатели этого журнала: антрепренеры, режиссеры и артисты.

И. Гриневская.

М. Г. Не откажите въ любезности удѣлить мѣсто въ Вашемъ уважаемомъ журналѣ нѣсколькимъ моимъ строкамъ.

Въ засѣданіи, имѣвшемъ мѣсто въ Одесскомъ городскомъ театрѣ, въ труппѣ В. И. Никулина, 16 февраля 1908 г. я былъ удостоенъ довѣрія и избранъ моими товарищами для присутствія на сѣздѣ въ Москвѣ и участія въ работѣ по пересмотру нормальнаго договора. Считаю своимъ долгомъ оповѣстить моихъ товарищей, избравшихъ меня, что болѣзнь лишаетъ меня возможности лично присутствовать на сѣздѣ, о чемъ я телеграфировалъ также избранному делегату отъ нашей труппы Веніамину Ивановичу Никулину.

Пр. и пр. Артистъ *Петръ Дорофеевичъ Муромцевъ.*

М. Г. Не откажите помѣстить мое письмо въ Вашемъ уважаемомъ журналѣ.

Въ посту 1907 г. я подписала контрактъ въ Уральскѣ на амплу героини къ покойному, С. А. Катарскому; но такъ какъ въ концѣ лѣта я заболѣла вторымъ плевритомъ, то доктора мнѣ запретили ѣхать служить на сѣверъ. Въ удостовѣреніе чего было мною осенью послано докторское свидѣтельство въ Бюро. 15 августа я поступила въ гастрольную поѣздку П. Н. Орленева, въ которой и прослужила до 1-й недѣли поста. Еще во время сезона я перепиской кончила (т. е. было сдѣлано предварительное условіе) на лѣто и зиму 1908/9 г. къ А. П. Вяхиреву. Оставалось только въ посту черезъ Бюро обмѣняться договорами. Я спокойно уѣхала въ Алупку. Жду договоровъ и наконецъ получаю 15 марта телеграмму, что сдѣлка не состоялась, такъ какъ въ бюро ходитъ слухъ, что вслѣдствіе болѣзни, я стала неузнаваема какъ актриса!—Это меня поставило въ безвыходное положеніе. Въ Москву ѣхать не на что, да и что же я могу сдѣлать разъ ходитъ слухъ! Не говоря уже о томъ, что я осталась безъ ангажемента на лѣто и зиму—этимъ подрываютъ мое актерское имя! Я съ П. Н. Орленевымъ были во многихъ городахъ Россіи и во многихъ городахъ имѣла большой успѣхъ, хороше отзвы въ газетахъ. Я исполняла первыя роли въ Брандѣ—Агнесь—жена Бранда. Въ Привидѣніяхъ—Фру Альвингъ. Въ Братьяхъ Карамазовыхъ—Грушевку. Я не прерывала ни на одинъ день своей службы, а больна была я въ прошлый постъ и лѣто, которое служила въ Мелитополѣ. —Позвольте-же черезъ Вашъ уважаемый журналъ принести мою глубокую благодарность всѣмъ тѣмъ моимъ сослуживцамъ по сценѣ, которые пользуясь моимъ отсутствіемъ, принесли мнѣ такъ много зла. Лишить актера его добраго имени—значитъ оставить его безъ куска хлѣба.

Пр. и пр. Артистка *Людмила Дярова.*

Сдача театровъ и ангажемента *)

Архангельскъ. На зиму театръ снятъ Строгановымъ и Серовымъ.

Астрахань. Въ дополненіе къ приведенному въ № 12 списку артистовъ, въ составъ труппы П. П. Струйскаго на зиму вошли: г-жи Сергѣева, Петипа, Ланская, гг. Маликовъ, Карповъ. Гл. режиссеръ—В. К. Висковскій.

Баку. Антреприза А. Н. Кручинина. Составъ труппы: г-жи Астрова, Мунтъ, Зиновьева, Иваницкая, гг. Агаревъ, Надеждинъ, Бѣляевъ (Коршевскій), Маковойскій.

Бузулукъ. На зиму театръ снятъ А. Н. Брянскимъ. Драма.

Витебскъ. На зиму театръ снятъ Г. Костомаровымъ. Драма.

Владивнавазъ. Антреприза П. П. Медвѣдова: Составъ: г-жи Агинская, Болотина, Лилина, Холина, Вольнцева, Уралова, Охотина, гг. Тугановъ, Орловъ, Дегтяревъ, Флоровскій, Колосовскій, Тихомировъ, Субботинъ.

Владимиръ. Зима—драма Г. П. Ростова.

Вологда. А. П. Вяхиревъ (зима). Составъ: Г-жи Англичана, Даль-Гуманова, Львова-Петровская, Самойлова, гг. Зоринъ, Массинъ, Андреевъ, Угодинъ, Литвиновъ.

Екатеринодаръ. Антреприза М. И. Судьбинина и Н. Н. Алмазова: Составъ: г-жи Райская, Львова, Эллерсъ, Грузинская, гг. Масоловъ, Аксеновъ, Ткачевъ, Красновъ.

*) Лѣтнія предпріятія—см. 3-ю полосу обложки.

АЛЕКСАНДРИНСКІИ ТЕАТРЪ.

„Среди цвѣтовъ“.

Докторъ Больманъ (г. Ник. Яковлевъ).

Рис. М. Слѣпана.

Екатеринославъ. Театръ на зиму снять г-жей Поляковой.

Елецъ. Закончилъ составленіе труппы на зиму г. Панормъ-Сокольскій: г-жи Преображенская, Ливанова, Петрова, Чарская, Степанова, Васильева; гг. Плетневъ, Агаповъ, Любавинъ-Сотниковъ, Лаврецкій-Морозовъ, Баяновъ, Чарскій.

Елисаветградъ. Зима. Антр. А. М. Дорошевича. Составъ: Г-жи Свѣтозарова, Степанова, Астрова, гг. Козыревъ-Сокольскій, Самаринъ-Волжскій, Дымскій, Ге.

Калуга. На зимній сезонъ въ труппу А. Л. Миролюбова главнымъ режиссеромъ приглашенъ извѣстный провинціальный режиссеръ и артистъ Э. А. Строгоновъ-Бобровъ.

Нишневъ. В. И. Никулинъ, имѣющій сейчасъ на зиму два театра въ Воронежѣ и Кишиневѣ, уступаетъ, какъ говорятъ, театръ Благороднаго собранія въ Кишиневѣ Д. И. Басманову.

Красноярскъ. Антр.: Н. А. Раковский и Л. Я. Мещеринъ (зима). Составъ: г-жи Арди-Свѣтлова, Лилина-Томская, Голицкая Д., Булатова, гг. Желябужскій, Злобинъ, Васильковскій, Зеновъ.

Нурскъ. (Зима). Антр. А. Н. Чечевой. Составъ: г-жи Долина, Поль, Павловская, Глѣбова, гг. Песицкій, Чечинъ, Успенскій, Улановъ.

Нижній-Новгородъ. Антреприза П. П. Медвѣдева. Составъ: г-жи Шателенъ, Агренцова, Петрова, Ленева, Смирнова, Александрова-Фокъ, Никульская, Панаева, Брониславская, гг. Орловъ-Чужбининъ, Смурскій, Гаринъ, Рассатовъ, Конячъ, Снѣговъ, Аслановъ, Дмитриевъ и др.

Новочеркасскъ. С. И. Крыловъ (зима). Составъ: г-жи Чарова, Волховская, Волхонская, Александрова-Чернова, гг. Шевченко (артистъ Имп. театр.), Дубецкій, Бестужевъ.

Омскъ. Общественное Собраніе снято Е. М. Долинымъ на будущую зиму подъ оперетту.

Сезонъ 1907/8 г. въ г. Омскѣ въ городскомъ театрѣ антреприза закончила при дефицитѣ въ 7500 р.

— Театръ на три года снятъ самарскимъ антрепренеромъ Н. Д. Кручининымъ.

Орель. (Зима). Антр. В. А. Крамолова. Составъ: Г-жи Куроптева, Малаксианова, Прокофьева, Романова, гг. Невѣринъ, Левандовскій, Снѣгиревъ, Бережной. Режиссеръ К. М. Бережной, его помощникъ М. А. Дмитриевъ-Шпагинъ. Суфлеръ г. Воликъ.

Оренбургъ. Антр. Г. Ф. Эстеррейхъ. Составъ: г-жи Барятинская, Васильева-Полова, Волинская, гг. Гурко, Муравлевъ-Свирскій, Массинъ, Горскій.

Пенза. Антреприза С. А. Марусиной. Составъ: г-жи Азаревская, Милюкова, Невская, Пальмина 2, гг. Олигинъ, Томилинъ, С. Кастровскій, Александровъ.

Пермь-Екатеринбургъ. Г. Левинскій передалъ пополуторному театру на будущій сезонъ подъ драму г-жѣ Зарайской. Въ составъ труппы г-жи Зарайской вошли: г-жи Орловская, Райская, Чарская, Зарайская; гг. Калпашниковъ, Караткевичъ, Борисоглѣбскій, Демюръ, Чужбиновъ.

Рыбинскъ. На зимній сезонъ 1908—1909 гг. театръ слѣдуетъ обществу любителей музыкальнаго и драматическаго искусства, согласившемуся на повышеніе арендной платы съ 1500 руб. до 2000 руб. за сезонъ.

Рязань. На зиму театръ данъ товариществу артистовъ.

Саратовъ. Театръ Очкина на будущій сезонъ снятъ П. Скуратовымъ. Въ труппу приглашены: г-жи Е. Н. Горева, Максимова, Муравьева и г.г. Рамазановъ, Ланской и Невѣдомовъ.

Симбирскъ. А. В. Родзевичъ (зима). Г-жи Хвалынская, Островская, Щеглова, гг. Ланко-Петровскій, Сверчковъ, Томкевичъ, Нератовъ, Ленскій.

— Зима—драма А. В. Родзевича.

Тамбовъ. Антр. г-жа Ризъ (зима). Составъ: г-жи Попова, Бортлевичъ, Тольская, гг. Мухинъ, Елисѣевъ, Ратовъ.

Тифлисъ. На зиму г-жей Питоевой для театра артистическаго общества почти сформирована уже драм. труппа. Пока написали: г-жи Васильчикова, Панова (артистка Императорск. театр.), Суворина, Волгина-Покровская, г. Мамонтовъ и др.

Тула. На зиму театръ г-жей Зарайской переуступленъ г. Коралли-Торцову.

Уральскъ. Зима—драма З. Е. Евгеньева.

Харьковъ. Въ составъ оперной труппы г. Бородея на будущей сезонъ приглашены басы гг. Егоровъ и Сибиряковъ.

— На зиму къ А. Н. Соколовскому кончили г-жи Ильгарская, Борская, Кварталова, Воронина, Весенева, гг. Колобовъ, Бѣлгородскій, Шорштейнъ, Звѣздичъ, Карскій и др.

Хорсонъ. Гг. Михайловскимъ и Лебедевымъ на зиму сформирована драм. труппа въ слѣд. составѣ: г-жи Копленъ, Ильина, Рылѣва, Красавина, Алексѣева, гг. Новиковъ, Путята, Сумароковъ, Лебелевъ, Скуратовъ, Соболевскій и друг.

Чита. Е. М. Долинымъ снятъ театръ на три года. Въ ближайшую зиму будетъ драма.

Малехъкая хроика.

*** „Милые бранятся—только тѣшатся“...

Злоба дня въ Миланѣ—примиреніе д'Аннунціо съ Элеонорой Дузе, послѣдовавшее послѣ долгаго разрыва. Писатель обѣщаль Дузе написать драму съ главной ролью для нея.

*** Мы получили слѣд. „посвященіе“ А. Блоку по поводу прочитанной имъ на-дняхъ въ Театральномъ клубѣ лекціи о театрѣ.

А. Блоку.

Александръ-то Блокъ

О театрѣ изрекъ,

Что пьянчужкой актеръ,—издавна,—величается.

Потому-де и дать

Имъ въ театрѣ стоять

Впереди-то другихъ никто не рѣшается.

И не вспомнилъ о томъ

Нашъ мудрецъ о простомъ,

Что „веселиемъ“ пить на Руси называется.

И о томъ позабылъ,

Что Крыловъ говорилъ

И что въ баснѣ его хорошо излагается,

Что „немножко деруть,

Да въ ротъ хмѣль не берутъ“.

Что въ кочыкахъ, то Блоку, должно быть, и нравится.

Эхъ, Блокъ, ты мой Блокъ,

Если бѣ видѣть ты могъ,

Какъ писатель иной въ кабацкѣ-то валяется!

Не въ винѣ-то бѣда,—

Надо помнить всегда,—

А вино-то въ бѣдѣ само-по-себѣ заключается.

Эхъ, Блокъ, ты мой Блокъ,

Ты въ стихахъ не будь плохъ,

А актеръ-то и самъ, безъ тебя, постарается...

Не актеръ.

По Провихнѣ.

Вильна. У М. Т. Строева въ теченіе мая будутъ гастролировать М. Г. Савина, В. П. Далматовъ, А. П. Петровскій. Между прочимъ, всѣ они одновременно выступятъ въ „Король“ С. Юшкевича.

Нишневъ. Результатъ великопостнаго опернаго дѣла въ Кишиневѣ. За двѣ первыя недѣли артисты заработали по 38 к. на марку.

Кіевъ. Вслѣдствіе болѣзни—бронхита,—В. В. Люце должна была прервать свои гастроли въ оперѣ, чѣмъ причинила дирекціи большіе убытки. Слѣдующія артистка три спектакля доставили ей шумный успѣхъ. Первая гастроль прошла при половине пустомъ театрѣ, а остальные два—при переполнен-

ныхъ сборахъ. Продано было много мѣстъ и на послѣдующіе три. Г-жа Люце выѣхала въ Харьковъ для лѣченія, а оттуда въ Ростовъ н/Д., на гастроли въ оперѣ Мандельштама.

Кіевъ. У М. М. Лубковской, во время ея отъѣзда съ сыномъ въ Ростовъ для дебюта послѣдняго, совершена кража разныхъ вещей на сумму 3.000 руб.

Нинній-Новгородъ. 16-го марта, въ воскресенье, вечеромъ, спектакль опернаго товарищества въ городскомъ театрѣ, несмотря на разрѣшеніе губернатора, пришлось отмѣнить по требованію архіерея.

Н.-Новгородъ. Оперное товарищество подъ упр. г. Эйхенвальда взяло въ первую половину поста валового за 14 спект. всего 7 тысячъ руб. Едва покрыты расходы. На 5 и 6 недѣляхъ эта труппа будетъ пѣть въ Оренбургѣ, на Пасхѣ—въ Самарѣ.

Петропавловскъ. Намъ пишутъ: У антрепренерши бар. Розенъ возникли крупныя недоразумѣнія со старшинами арендуемаго ею театра собранія до 15 сего мая. Въ настоящее время клубъ отказывается г-жѣ Розенъ въ арендѣ театра, основываясь на договорѣ, по которому Розенъ обязана дать хорошую труппу, а такъ какъ теперь постомъ труппа распущена, то въ этомъ старшины видятъ нарушеніе договора. Между тѣмъ г-жа Розенъ по договору не обязана держать труппу постомъ. Весь сыръ боръ загорѣлся очевидно изъ-за доходныхъ статей театра, которыми пользовалась Розенъ, сдавая его постомъ проѣзжимъ концертантамъ. Старшины возмѣли, очевидно, желаніе получать лично весь доходъ отъ концертовъ. А пока что—театръ заколоченъ, объявленные Розенъ концерты срываются. 16-го не состоялся, напр., концертъ Фигнера.

Кстати, исправляемъ ошибку, вкравшуюся въ итогахъ сезона. Г-жа Розенъ въ минувшій сезонъ сдѣлала (въ Петропавловскѣ, а не Барнауль, какъ у насъ ошибочно было указано) валового 12.000 руб. и получила чистой прибыли около 2000 руб.

Ростовъ-на-Дону. Съ 23 марта по 3-е апрѣля здѣсь играетъ товарищество артистовъ театра Корша, подъ управленіемъ Н. Н. Синельникова.

Рыбинскъ. На одномъ изъ послѣднихъ своихъ засѣданій городская дума приняла предложеніе гг. Сазонова и Тыканова о постройкѣ на мѣстѣ сгорѣвшаго лѣтъ 5—6 тому назадъ лѣтняго гор. театра, находившагося близъ г. Рыбинска, новаго театра стоимостью въ 25—30 тыс. руб., съ условіемъ безплатной аренды въ теченіе 12 лѣтъ, послѣ чего театръ переходитъ въ полную собственность города.

Томскъ. М. Т. Строевъ, обосновавшійся въ Петербургѣ, послалъ въ театральную комиссію заявленіе объ освобожденіи его отъ обязательства по арендѣ гор. театра.

Харьковъ. Намъ пишутъ: Съ 25-го марта въ Маломъ театрѣ начались спектакли драматической труппы, съ участіемъ В. А. Мироновой. Спектаклей предполагено четыре. Первый—„Среди цвѣтовъ“, затѣмъ „Вопросъ“, „Хаосъ“ и „Губернская Клеопатра“. 1-го и 2-го апрѣля въ городскомъ театрѣ состоятся спектакли Л. В. Яворской—„Анна Каренина“ и „Заложница Карла Великаго“. Вторая половина поста по части театральныхъ развлеченій совсѣмъ бѣдна,—кромѣ перечисленныхъ спектаклей, ничего не будетъ.

— Здѣсь не хватаетъ оркестровыхъ музыкантовъ. Въ Коммерческомъ клубѣ и въ саду Собранія приказчиковъ будутъ играть симфоническіе оркестры. Садъ приказчиковъ по своимъ развлеченіямъ далеко оставитъ теперь за собою Клубъ,—служащіе побѣждаютъ хозяевъ.

— Въ харьковской судебной палатѣ слушалось интересное дѣло артистки Императорскихъ театровъ Пусковой, предъявившей искъ къ екатеринославскому электрическому трамваю за поврежденіе здоровья при паденіи. Ей присуждено семь тысячъ.

Московскія впечатлѣнія.

20 марта.

Не прогуляться-ли намъ въ бюро? По нѣсколькимъ ступенямъ мы поднимаемся въ коридоръ, съ обѣихъ сторонъ уставленный вѣшалками уже, полными верхнимъ платьемъ, впрочемъ, раздѣваться здѣсь даже опасно для здоровья, потому что послѣ жаркой температуры въ бюро переходъ сюда, въ прохладу, гдѣ постоянно дуетъ изъ непрерывно отворяемыхъ наружныхъ дверей, можно легко схватить простуду. Въ первые дни моего пріѣзда я поплатился насморкомъ и повышенной температурой, къ счастью, не имѣвшей большихъ послѣдствій. Лучше мы поднимемся немного выше въ вестибюль, гдѣ тоже поставлены вѣшалки и вѣшалки. И здѣсь онѣ сплошь увѣшаны платьемъ, которое сложено и на ступеняхъ лѣстницы и подъ лѣстницей, и во всѣхъ углахъ и на лѣстничныхъ перилахъ. Прислуга приглашаетъ насъ вѣжливо подняться повыше, можетъ быть тамъ на перилахъ найдется свободное мѣстечко для нашихъ пальто. Но вотъ и второй этажъ, а пе-

† Паул. Лукка въ 70-хъ годахъ.

рила все гуще и гуще усяяны дамскими кофточками, саками и мужскими пальто. Нечего дѣлать, двигаемся дальше и гдѣ-то уже въ третьемъ этажѣ, чуть не подъ небесами, находится благодѣтель-вѣшалщикъ, принявшій подъ свое покровительство наши шапки, пальто и калоши. Попувивъ номерки отъ платья, спускаемся во второй этажъ и подходимъ къ заветнымъ дверямъ. Здѣсь онъ, неизмѣнный и незабвенный охранитель интересовъ театральнаго общества Михаилъ Абрамовичъ. Онъ контролируетъ входъ, онъ пропускаетъ въ святилище только лицъ съ членскими билетами въ рукахъ. По долготѣ-нему знакомству (чуть-ли не 12 лѣтъ) милый Шпоня оказываетъ намъ протекцію и пропускаетъ, не потребовавъ билета. Въ скобкахъ, каюсь, не имѣлъ билета; не имѣлъ возможности его выправить. И такъ мы въ бюро. Полумракъ, таинственный полумракъ, громадная, тѣсная волна движущихся тѣлъ, немолчный не то грохотъ, не то стонъ, особенно нервирующий въ этой темнотѣ заставляютъ мою спутницу боязливо прижаться къ своему кавалеру. Черезъ минуту глаза наши уже ориентировались въ полумракѣ и мы направляемся влѣво въ обширную комнату, занятую канцеляріей бюро. Не думайте, однако, что проникнуть туда особенно легко. Два теченія туда и обратно, сталкиваясь въ дверяхъ, сильно затрудняютъ движеніе. Нѣкоторые имѣютъ похвальную привычку еще болѣе стѣснять движеніе, останавливаясь у косяковъ или даже по срединѣ двери и занимаясь приятными разговорами. Если это будутъ проstackъ, второй любовникъ или инженеръ, препятствіе обходится сравнительно легко; но если на нашемъ пути очутится юноноподобная героиня и толстякъ-комикъ, на обходъ ихъ понадобится времени не меньше, чѣмъ пройти отъ Страстнаго монастыря до Гнѣздниковскаго переулка. Но благодаря Бога, мы благополучно обошли и благопріобрѣтенные животы комиковъ и великолѣпные атуры героинь. Здѣсь свѣтлѣе и вотъ они, вотъ провинціальныя властители думъ и сердецъ театальной публики, вотъ мрачные резонеры, подвижныя комикки, шаловливыя энженю, величественныя героини, презирающіе весь міръ героинь-любовники, задумчивыя грандъ-дамъ, беззаботныя комическія старухи. Вотъ серьезные сфюлеры и дѣловитые помощники режиссеровъ, пронизательные режиссеры и наконецъ они, цари актерской биржи—ан-тре-пре-не-ры. Моя спутница съ любопытствомъ вглядывается въ сотни разнообразныхъ лицъ, и ея первое восклицаніе вполне соответствуетъ женской логикѣ: какъ здѣсь мало красивыхъ женщинъ и изящныхъ туалетовъ! И въ ея тонѣ я слышу не сожалѣніе, а чувство внутренняго удовольствія и удовлетвореннаго тщеславія.

Но вотъ и знакомыя лица. Нѣсколько петербуржцевъ, болѣе или менѣе друзей и пріятелей. Одни, скромно и зная, что со мною притворяться нечего, горько жалуются, что проживаются даромъ въ Москвѣ, что теряютъ даже надежду получить по возраженію ангажементъ и уже подумываютъ о возвращеніи во своясы, другіе фанфаронничаютъ: „пріѣхалъ сюда на два-три дня, подпишу контрактъ и обратно, меня ждетъ въ Петербургѣ старикъ-Суворинъ; онъ очень интересуется моимъ дебютомъ“

(положимъ это я немножко преувеличиваю). Но все-таки мой петербуржецъ хочетъ пустить пыль въ глаза мнѣ, старому театральному воробью, котораго на мякинѣ не объѣдешь. Что, кто это въ толпѣ? Чья солидная фигура пожилого фата? А-а, милѣйшій Петръ Ивановичъ Дубовицкій; онъ на лѣто снялъ Гунгербургъ подъ Нарвой, досталъ денегъ на предпріятіе и повидимому вполне доволенъ судьбой. „Здравствуйте, дорогой С. А.! Какъ рада васъ видѣть“, привѣтствуетъ меня новоиспеченная маленькая, но сильная духомъ, антрепренерша; возлѣ и неизмѣнная Вѣрочка съ своими вселокоряющими глазами. У сгѣны красавецъ Рамазановъ въ сѣромъ архакулѣ, греческаго покроя, который такъ къ нему идетъ. О, онъ большой кокетъ! Вездѣсушій Семенъ Агапычъ, съ головою полною проектовъ о водвореніи правового порядка и всевозможныхъ правоположеній въ актерской средѣ, идетъ ко мнѣ навстрѣчу съ привѣтливой улыбкой. А тамъ кто? Будущая Элеонора Дуза, но пока ходящая только на помочахъ своихъ друзей. Въ сторонѣ какая красивая брюнетка; какъ птичка она порхаетъ (впрочемъ птичка очень полненькая) къ какому-то господину, то отъ него. Это оказывается ея мужъ, состоятельный человѣкъ, не актеръ. „Хорошо такимъ актрисамъ, есть кому о нихъ заботиться, не зачѣмъ и въ бюро ходить“, говоритъ съ злобой сбоку не то комическая старуха, не то особа на всѣхъ роли. А птичка уже возлѣ мужа, прижалась къ нему въ довольно нѣжной позѣ, и глядя порхнула туда, сюда, скрылась, а чрезъ минуту опять обнимается съ благовѣрнымъ. Навѣрное, вытащила его насильно, или его одолѣла ревность. Физиономія кисла, и поминутная нервная зѣвота. Проходитъ мимо антрепренеръ мелкихъ дѣлъ съ громадною головою и своеобразной шевелюрой, дѣлающей голову еще огромнѣе на маленькомъ тощемъ тѣльцѣ. О, мелкія дѣла очевидно не плотно питають тѣло, но заставляютъ отъ заботъ пухнуть голову. Попадаются жаждущіе молодые люди: „порекомендуйте меня такому-то антрепренеру“, „присстройте меня на мѣсто ради Бога, сколько времени хожу и все ничего“, „познакомьте съ такимъ-то“, „хлопочиге за меня у такого-то“, „дайте мѣстечко“ и т. д. „Господа, я не раздаватель мѣстъ, слово мое вовсе не имѣетъ значенія у гг. антрепренеровъ“. — „Ну что вы говорите, васъ всѣ знаютъ, васъ послушаютъ, вы не хотите“. „Ну, хорошо“, говорю направо; „хорошо“, говорю налѣво; „хорошо, хорошо, хорошо“, говорю во всѣ стороны. Пусть я буду соломинкой (увъ! обманчивой), за которую хватаются. Слово: „хорошо“ слышится во всѣхъ углахъ залы; видно вездѣ повторяется одна и та же исторія. И всѣ улыбаются. Улыбаются счастливицы, подписавшіе контракты, улыбаются отчаявающимся, улыбаются оптимисты, улыбаются и пессимисты, улыбаются старики, старухи, молодые и мол. духи. Вездѣ улыбки. Хорошо

† П. Лукка въ 60-хъ годахъ.

это? А можетъ быть за половиною этихъ улыбокъ въ душѣ накопились горькія слезы.

Мы уже доходимъ до конца залы. Боже, какой невѣроятной толщины господинъ сидитъ въ углу на стулѣ. Это что-то необычайное. Онъ похожъ немного на почтеннаго Михайла Ильича Чернова, но вдвое его тучнѣе. Въ сердце невольное закрадывается состраданіе. Какъ долженъ себя чувствовать этотъ, симпатичный (его лицо очень симпатично) толстякъ въ этой духотѣ и давкѣ. За то торжествуетъ Михаилъ Ильичъ. Когда, встрѣтившись съ нимъ въ началѣ зала, я замѣтилъ, что онъ еще болѣе растолстѣлъ, онъ съ чувствомъ торжества мнѣ выговорилъ: „нѣтъ, вы посмотрите въ томъ концѣ зала, и потомъ только обо мнѣ говорите“. Сознаю симпатичный

толстякъ побилъ рекордъ. Михаилъ Ильичъ предъ нимъ младенецъ.

Поворачиваемъ обратно. Снова встрѣчи: вотъ стремительная героиня носится въ толпѣ, энергично прокладывая себѣ путь. „Вы не видали моего компаньона? Боже мой, гдѣ же онъ? Я должна ему поскорѣе сказать, что я согласна дать ему деньги на дѣло. Онъ можетъ взять другую“. Счастливицы, есть такіе, оказывается, которымъ чуть не навязываютъ деньги. Направо другая героиня, съ не особенно красивымъ, но пикантнымъ лицомъ и многообъщающими глазами. Она всегда весела, потому что знаетъ, что никогда не останется безъ мѣста и брилліанты на ея рукахъ, какъ будто тоже веселы и смѣются своимъ переливающимся блескомъ. „Безъ мѣста мы не будемъ;

П. Лукка въ оперѣ „Африканка“.

мы знаемъ что знаемъ“. А-а! почтенный Семенъ Ивановичъ, но обыкновенію окруженный не менѣе, какъ тремя дамами, когда онъ бываеъ тамъ, за рѣшеткой, и шестью, когда онъ здѣсь въ залѣ. Теперь я чувствую менѣе почтенія къ его фигурѣ, послѣ того, что видѣлъ тамъ, въ томъ концѣ зала. Вотъ и почтенный Иванъ Ермолаевичъ и онъ... впрочемъ, виноватъ, я было забылъ, что онъ ничего не велѣлъ мнѣ про него писать... Господи, едва могу рассмотретьъ въ толпѣ протянутую мнѣ маленькую хорошенькую ручку. За ручкой самая маленькая фигурка во всемъ театральномъ мірѣ. Счастливица эта Варя Л., всегда имѣетъ мѣста, потому что вѣрно—она единственная, и всегда мила и довольна. Есть въ толпѣ и еще нѣсколько маленькихъ и миловидныхъ фигуръ, но это все не то. Какъ въ мірѣ искусства, такъ и въ природѣ оригиналъ всегда выше копій.

„Смотрите, смотрите“, толкаетъ меня подъ локоть спутница, „вотъ эта актриса утираетъ рукавомъ носъ, и рукава-то короткіе“, съ изумленіемъ говоритъ она. „Не удивляйтесь, эта на ампула бытовыхъ, она практикуется для своихъ ролей, въ этомъ истинное искусство.“

Проходимъ полутемную гостинную, еще комнату и поднимаемся наверхъ въ буфетъ выпить кофе. Такая масса народу; едва-едва находимъ свободный столикъ. За сосѣднимъ столомъ мои бывшіе сослуживцы питомцы Яворской: Дагмаровъ, Шмидтъ, Серболовскій. Когда ни зайдешь въ буфетъ, они всегда тамъ (прошу читателя помнить, что буфетъ безъ крѣпкихъ напитковъ.) Въ сосѣдней комнатѣ громкій разговоръ, тамъ собрались помощ. режиссеровъ. Они обсуждаютъ свои нужды. Извиняюсь предъ своей спутницей, иду туда. Оживленная, въ большинствѣ молодыя лица; видно, что дѣло захватило всѣхъ до глубины души. Руководитъ Чернышевъ, тутъ же и Шпоня. Совѣщаніе уже приходитъ къ концу, рѣшено учредить артель. На лицахъ написана вѣра въ успѣхъ; кое гдѣ иронія, кое гдѣ пессимизмъ. Но въ общемъ пріятное впечатлѣніе отъ этой молодежи.

Удивительно пріятная прислуга въ этомъ буфетѣ. Вамъ не только подадутъ вѣжливо и корректно, но еще съ какою-то особенною радостью. Точно человѣку доставляетъ особенное удовольствіе услуживать актерамъ. Это необычайное радушіе и радость своею необычайностью поставили меня въ первый разъ даже въ тупикъ. Не знаешь, чѣмъ бы отвѣтить на такое вниманіе. Сдѣлалъ свою улыбку вдвое признательнѣе; сознаю, что глупо, но право сразу не сообразилъ, какъ поступить.

На прощанье спутница поблагодарила за доставленное ей удовольствіе: „Мнѣ очнь пріятно, что вы познакомили съ совершенно новымъ для меня міромъ. Теперь я знаю, какъ актеры

получают свои мѣста и что они дѣлаютъ въ Москвѣ, Благодарю васъ. Я поняла теперь, что только горькая, безвыходная нужда можетъ загонять людей въ это ваше бюро, изви-ните, болѣе похожее на вагонъ-теплушку или курятникъ“.

22 Марта.

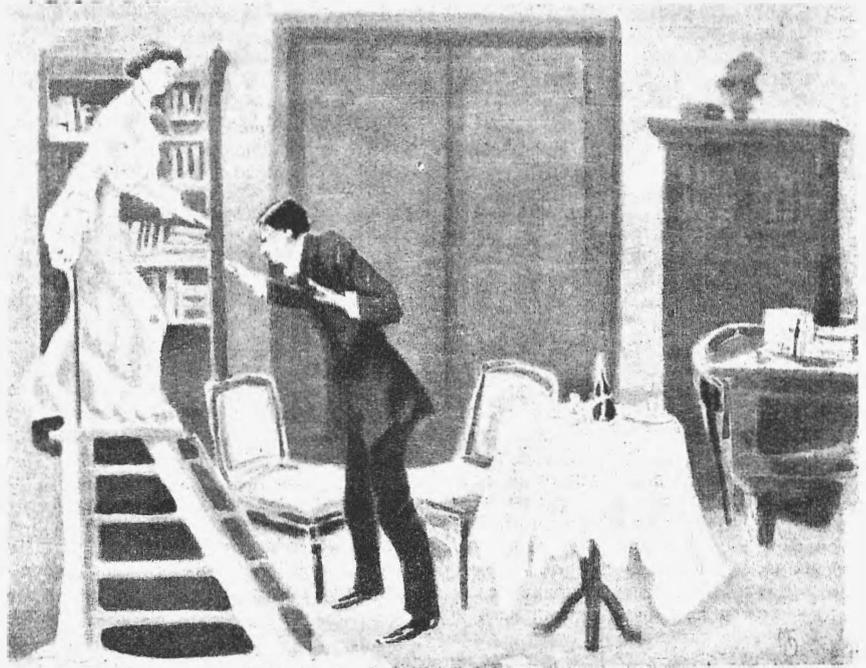
Среда 22-го марта была днемъ крещенія новаго учрежде- ния въ театральной жизни—примирительныхъ камеръ. Въ этотъ день какъ въ комиссиі Театрального Общества по пересмотру нормального контракта, такъ и на сѣздѣ режиссе- ровъ былъ поставленъ на обсужденіе вопросъ объ учрежденіи примирительныхъ камеръ; и что всего замѣчательнѣе — рѣшенъ и тутъ и тамъ совершенно одинаково. Такое сходство рѣшеній несомнѣнно подтверждаетъ, что вопросъ назрѣлъ и сама жизнь требуетъ регулятора взаимныхъ отношеній сцени- ческихъ дѣятелей. Примирительная камеры необходимы какъ воздухъ“, восклицалъ на сѣздѣ режиссеровъ почтенный артистъ Императорскихъ театровъ Варра- винъ. Оба собранія правда рѣшили воп- росъ о примирительныхъ камерахъ лишь съ принципиальной стороны, для разработки подробностей избравъ комиссиі. Весьма возможно, что въ деталяхъ комиссиі разойдутся между собою и съ точки зрѣнія со- става и порядка дѣйствія камеры и тамъ и тутъ выльются въ различныя формы. Въ общемъ же и комиссиі Театрального Общес- тва и сѣздъ режиссеровъ признали, что камеры должны носить характеръ прими- рительно-совѣщательный, а отнюдь не су- дейскій, рѣшающій. Ихъ постановленія яв- ляются лишь голосомъ общественнаго мнѣ- нія, принудительнаго значенія не имѣютъ, а носятъ характеръ лишь моральнаго воз- дѣйствія. Стороны не обязаны подчиняться рѣшеніямъ камеръ, правда, но изъ этого конечно не слѣдуетъ, что послѣднія не бу- дутъ имѣть никакого практическаго значе- нія. Во 1-хъ, во многихъ случаяхъ стороны будутъ принимать къ исполненію даже и не обязательныя рѣшенія въ виду именно значенія ихъ какъ голоса общественнаго мнѣнія, а во 2-хъ, и это главное—камеры своими рѣшеніями будутъ способствовать выработкѣ этическихъ нормъ въ профессио- нально-бытовой сферѣ сценическаго міра. Несомнѣнно, установленіе подобныхъ нормъ будетъ способствовать какъ развитію са- мосознанія актера, такъ и повышенію уровня его морально-общественнаго положенія. По вопросу о томъ, какія дѣла подлежатъ раз- бору въ примирительныхъ камерахъ опять таки и комиссиі, и сѣздъ режиссеровъ совершенно сошлись во взглядахъ. Недо- разумѣнія, возникающія изъ экономиче- скихъ отношеній сторонъ, вѣднью прими- рительныхъ камеръ не подлежатъ. Недо- разумѣнія же на почвѣ профессиональ- ной и этической, какъ рѣшила подкомиссиі Т. Об-ва, мо- гутъ возбуждаться въ камерахъ не только потерпѣвшей сто- роной, но и каждымъ членомъ труппы, однако отнюдь не са- мою камерой. Наболѣе разногласій возбудилъ вопросъ о томъ, должны-ли подлежать примирительному разбору недоразумѣ- нія, возникающія на почвѣ художественной, технической, напр. по поводу назначенія ролей, споровъ между режиссеромъ и исполнителемъ о той или другой подробности миз-ансценъ и т. п. вопросахъ. Однимъ казалось, что режиссеръ долженъ являться безусловнымъ хозяиномъ въ области постановки пьесы и если дать возможность актеру „тащить“ въ камеру режиссера изъ-за спора о томъ, гдѣ ему стать, то положеніе режиссера станетъ невозможнымъ и веденіе дѣла немислимымъ. Другіе утверждали, что актеръ „таща въ камеру“ режиссера, можетъ быть осужденъ камерой какъ несправедливо возбу- дившій дѣло. Въдъ камера будетъ рѣшать дѣло по совѣсти и вѣроятно въ большинствѣ случаевъ будетъ оправдывать ре- жиссера, если онъ руководится въ постановкѣ серьезными основаніями, а не капризомъ и случайнымъ „вдохновеніемъ“. Наконецъ, наоборотъ, камера дастъ возможность режиссеру обуздывать капризы премьеровъ и не премьеровъ. Развѣ мало случаевъ, когда художественные замыслы разбивались о фразы: „этотъ монологъ я всегда веду на этой сторонѣ“, „двадцать пять лѣтъ я такъ играю и переучивать меня поздно“, или просто: „я такъ привыкъ или привыкла“. Конечно всѣ подоб- ные споры не должны останавливать репетицій и разборъ дѣлъ въ камерахъ долженъ происходить въ свободное время. До рѣшенія камеры, конечно, артисты должны слѣдовать ука- заніямъ режиссера и имъ подчиняться, какъ это и обусловлено въ договорѣ.

Въ концѣ-концовъ признано было, что и недоразумѣнія на

почвѣ техническо-художественной подлежатъ разбору въ при- мирительныхъ камерахъ.

Особенный интересъ внесъ въ собраніе сѣзда режиссе- ровъ В. И. Немировичъ-Данченко. Въ своей рѣчи онъ, убѣждая собравшихся не бояться введенія примирительныхъ камеръ, очень подробно изложилъ постановку дѣла въ московскомъ Художественномъ театрѣ, ходъ работы по постановкѣ спек- таклей, горячее участіе самихъ исполнителей въ разработкѣ этой постановки, отношеніе режиссера къ актеру и обратно. „Талантъ—все“, говорилъ ораторъ. Весь театръ, со всей его сложной машиной, со всѣми его средствами долженъ служить таланту, потому что только талантъ даетъ зрителю ту ра- дость, то наслажденіе красотой, ради которой человѣчество стремится въ театръ. Если актеръ царь-театра, къ его услу- гамъ весь театръ и самъ режиссеръ—слуга актера. Но если режиссеръ—талантъ, художникъ, то конечно исполнители слу- жать цѣлямъ его вдохновенія, его художественнаго творчества. Но это не значитъ, что режиссеръ будетъ поработать талантѣ

„НОВЫИ ТЕАТРЪ“.

„Любовь на стражѣ“, 4 актъ.

Рис. М. Слѣпана.

тамъ, гдѣ его замѣтитъ. Наоборотъ, режиссеръ-художникъ, душой почуявъ нотку истиннаго таланта въ исполнителѣ, дастъ ему возможность еще ярче и рѣзче проявить эту нотку Ораторъ во всей рѣчи подчеркиваетъ мысль, что главное та- лантъ и ему должно служить все.

Ничего нельзя возразить противъ справедливости этой мысли и тамъ, гдѣ вся забота режиссера и исполнителей на- правлены къ художественной цѣли театра, тамъ несомнѣнно всѣ сомнѣнія и недоразумѣнія будутъ улажены въ интересахъ дѣла. Въ стройномъ, художественномъ цѣломъ отдѣльныя лич- ности исчезаютъ, но какъ быть тамъ, гдѣ каждый исполни- тель стремится создать свой личный успѣхъ, гдѣ можетъ быть только одинъ режиссеръ имѣетъ въ виду успѣхъ цѣлаго, но занятъ и тѣмъ, какъ-бы выдвинуть свою протезе или подсо- лить неприятному актеру. Можетъ-ли быть здѣсь рѣчь о „та- лантѣ—все“. Нѣтъ, тутъ все — интрига и личный интересъ. Въдъ мы знаемъ провинцію; много-ли вы насчитаете театровъ, гдѣ ничего подобнаго не было-бы въ теченіи хотя-бы одного сезона.

Примирительная камера—это слово вчерашняго или, лучше сказать, сегодняшняго дня. Кто изъ сценическихъ дѣятелей ду- малъ, ѣдучи въ Москву, что это слово разрастетъ передъ нимъ въ громадное цѣлое, завладѣвшее общимъ вниманіемъ театрального міра. Новизна дѣла, что-то необычное, совер- шенно неукладывающееся въ рамки рутинной, привычной жизни—все это сначала вызывало если не прямо отрицатель- ное, то какое-то недоумѣнное отношеніе къ дѣлу. Но по мѣрѣ того, какъ этотъ туманный призракъ приобретаетъ все болѣе рельефныя очертанія, мы начинаемъ видѣть въ немъ что-то знакомое, родное. Мысль принимаетъ направленіе: „да въдъ это же такъ просто, да въдъ этого намъ и не достаетъ“. И

призракъ принимаетъ видъ давняго знакомаго, друга, котораго почему-то гдѣ-то забыли и вотъ только что вытащили на свѣтъ Божій. „Я пришелъ сюда“, заявилъ К. К. Витарскій въ подкомисіи Театр. Общ., противникомъ примирительныхъ камеръ, но теперь, видя въ какой формѣ онѣ предполагаются, я нахожу, что онѣ могутъ внести много хорошаго въ театральную жизнь“.

Кстати о работахъ, идущихъ теперь въ Москвѣ въ нашемъ мирѣ.

При Театр. Обществѣ работаетъ комиссія по пересмотру нормальнаго контракта, успѣвшая по сегодняшній день пересмотрѣть договоръ и около 35 пунктовъ правилъ. При комисіи образована подкомиссія по вопросу объ обязательномъ взаимномъ страхованіи сц. дѣятелей и о примирительныхъ камерахъ. Подкомиссія разсмотрѣла первый и работаетъ надъ вторымъ. Кромѣ того происходятъ совѣщанія помощниковъ режиссеровъ и суфлеровъ для образованія артили. При союзѣ сц. дѣятелей происходятъ собранія съѣзда режиссеровъ, который избралъ тоже 2 комисіи: одну по вопросу о режиссерскихъ классахъ и другую — по пересмотру договоровъ союзнаго и нормальнаго Т. Об-ва. Затѣмъ собраніе уполномоченныхъ мѣстныхъ отдѣловъ Союза — важное собраніе, замѣняющее годовое собраніе всѣхъ членовъ Союза. Ко всѣмъ этимъ работамъ привлечено много новыхъ молодыхъ силъ, но и старые, испытанные общественные работники пущены не въ послѣднюю голову. Вообразите себѣ положеніе такого работника, занятаго и въ комиссіяхъ и подкомиссіяхъ. Ну напр. возьмемъ Павла Викторовича Панина — съ 11 ч. утра собраніе уполномоченныхъ мѣстныхъ отдѣловъ; съ 2½ — засѣданіе съѣзда режиссеровъ до 6 ч. Съ 8 ч. засѣданіе комисіи Т. Об-ва по пересмотру нормальнаго контракта, которое продолжается до 12—1 ч. ночи. Кромѣ того онъ занятъ въ подкомиссіи о камерахъ и кажется въ одной изъ комиссій съѣзда режиссеровъ. Очевидно, чтобы исполнить всю работу, надо изъ одного Панина выкроить двоихъ. И въ такомъ положеніи не одинъ Панинъ, а очень многіе работники. Прибавьте къ этому, что у всѣхъ есть еще свои личныя дѣла по ангажементамъ или спеціальныя работы. Гдѣ же тутъ пообѣдать? И не обѣдаютъ, а только перехватываютъ, да пробавляются чайкомъ. Многіе худѣютъ очень замѣтно; про одного члена комисіи мнѣ передавали, что за недѣлю онъ потерялъ пять фунтовъ въ всѣхъ. Что предъ этимъ Карлсбадъ или Мариенбадскія лепешки!

Да, напряженная, энергичная работа идетъ въ театральномъ мирѣ. Она требуетъ большаго напряжения силъ и самоотверженности. Но работники не ослабѣваютъ духомъ.

Будемъ надѣяться, что труды и напряженныя усилія старыхъ общественныхъ дѣятелей сценич. міра и ихъ молодыхъ товарищей не пропадутъ даромъ, внесутъ практическія улучшенія въ нашу театральную жизнь и бытъ провинціального актера, а можетъ быть обновятъ ее и создадутъ новыя формы общежитія и пріемовъ театральнаго дѣла.

24 марта.

Въ то время, какъ драматическіе артисты энергично формируютъ свою жизнь, условія своей дѣятельности, оперные артисты проявляютъ изумительную кость, невѣроятный индефферентизмъ. Не рѣдко приходится слышать жалобы, что „Театральное Общество относится къ оперѣ равнодушно, не хочетъ ничего сдѣлать для нея, что Совѣтъ Театр. Об-ва заботится только о драмѣ и забываетъ оперу“. А между тѣмъ, лишь только дѣло коснется того, чтобы самими поработать для улучшенія своего положенія, мы сейчасъ пасъ — на поляный дворъ. Оказывается легче жаловаться на судьбу и упрекать благодѣтелей, чѣмъ работать самимъ. Бюро Театр. Об-ва предложило опернымъ артистамъ составить комиссію для переработки нормальнаго контракта въ части его относящейся къ оперѣ. И что же? На засѣданіе явилось всего 6 чел. изъ нѣсколькихъ сотъ артистовъ, находящихся въ Москвѣ. Бюро не остановилось на этомъ и попыталось созвать комиссію вторично; собралось 15 чел. Третьяго опыта уже не стали дѣлать и собравшіеся постановили, что въ виду малаго числа присутствующихъ считать комиссію не состоявшейся, и проектъ договора разослать въ теченіи предстоящаго сезона по труппамъ, для обсужденія на мѣстахъ.

Формированіе оперныхъ труппъ для будущаго сезона идетъ очень вяло. Очень крупныя предпріятія почти еще и не приступали къ дѣлу. Въ большинствѣ откладывается до мая. За то дѣла по ангажементамъ въ драмѣ идутъ быстро. Крупные антрепренеры почти всѣ уже закончили формированіе труппъ. Большая часть среднихъ предпріятій тоже или заключили, или откладываютъ приглашеніе части артистовъ на осень. Количество сдѣлокъ, совершаемыхъ въ бюро, сравнительно съ прошлымъ годомъ увеличилось. Договоры въ канцеляріи бюро пишутся чуть ли не въ десять рукъ. Канцелярскія барышни выбиваются изъ силъ. Работы больше, а ихъ стало меньше. Неизмѣнная Тереза Петровна не показывается въ бюро, она серьезно больна и ея обязанности пришлось возложить на ея помощницу, а часть обязанностей послѣдней на третью барышню и т. д. Однимъ словомъ, произошла порядочная перетасовка. Смерть унесла и И. О. Пальмина, такъ что Г. И.

Васильеву приходится тоже нести двойныя обязанности. Но всѣ работаютъ энергично, дѣло идетъ гладко, безъ недочетовъ. Это даже удивительно; вѣдь подумайте, съ 10 часовъ утра до 11 и болѣе часовъ ночи сидѣтъ почти безвыходно, въ душной, жаркой атмосферѣ, въ безпрестанной сутолокѣ, гдѣ постоянно отрываютъ васъ отъ дѣла, и все время сохранять вниманіе къ своему дѣлу и не сдѣлать ни одной ошибки или промаха — нѣтъ, воля ваша — это подвигъ. Вотъ здѣсь, въ канцеляріи за рѣшеткой, вотъ гдѣ настоящія героини въ скромныхъ платьяхъ, а не тамъ въ залѣ въ роскошныхъ туалетахъ и въ шляпкахъ а-ла-бандитъ. Я сказалъ подвигъ, нѣтъ больше мученичество. Св. Цециліи и св. Варвары великомученицы, полагаю, испытывали меньше страданій во время своихъ искусовъ, чѣмъ барышни бюро во время Великаго поста. Онѣ вполне заслуживаютъ рая, но, скажу вамъ по секрету на ушко, барышни не хотятъ идти въ рай: „слишкомъ мало тамъ будетъ знакомыхъ“.

Съѣздъ режиссеровъ, обсуждая вопросъ о современныхъ условіяхъ труда и дѣятельности режиссеровъ, призналъ необходимымъ подробно разработать нормы, опредѣляющія трудъ режиссера, какъ руководителя художественной и сценической части театральнаго предпріятія. Болѣе или менѣе подробно опредѣлить задачи режиссера и прелѣтъ его компетенціи по отношенію къ автору пьесы. Кругъ правъ и обязанностей по отношенію къ исполнителю, предпринимателю и т. п. Нормальныя условія, въ которыхъ должно быть поставлено предпріятіе, отвѣчающее цѣлямъ и задачамъ режиссерской дѣятельности и т. п. Въ виду этого съѣздъ постановилъ избрать особую комиссію, которой и поручить эту работу. Работа эта, вѣроятно, ныльется, какъ мнѣ представляется, въ цѣлый кодексъ, уставъ, опредѣляющій нормальныя условія режиссерской дѣятельности, какъ въ области искусства, такъ и въ практическомъ выполненіи театральнаго предпріятія. Со временемъ этотъ кодексъ, частью или цѣликомъ, можетъ войти въ договоры режиссеровъ съ предпринимателями. Если бы даже этотъ кодексъ и не имѣлъ послѣдняго примѣненія, то его существованіе, кажется мнѣ, можетъ оказать громадное влияніе на порядки, царящіе у насъ теперь на сценѣ. Вѣдь сейчасъ по отношенію къ правамъ и обязанностямъ режиссера господствуетъ полнѣйшій хаосъ.

Театральное Общество въ этомъ отношеніи могло бы сдѣлать еще болѣе; оно могло бы прямо пронести въ жизнь тѣ или другія нормы режиссерской дѣятельности, включивъ ихъ какъ обязательные пункты въ правила при своемъ такъ наз. нормальномъ контрактѣ. Это сразу внесло бы значительный порядокъ въ эту хаотическую сферу. Въ одномъ изъ засѣданій комисіи было внесено предложеніе просить Совѣтъ Т. Об-ва будущимъ великимъ постомъ созвать при бюро комиссію режиссеровъ, которая и занялась бы выработкой нормальныхъ условій режиссерской дѣятельности, которыми и замѣнить совершенно устарѣвшія правила нормальнаго договора. Комиссія, конечно, не должна состоять только изъ режиссеровъ, въ нее необходимо должны войти и актеры, и предприниматели, и помощники режиссеровъ и, я сказалъ бы, драматурги, авторы пьесъ. Такой составъ комисіи, конечно, вполне способствовалъ бы наилучшему выполненію ся задачи, такъ какъ она заключала бы въ себѣ представителей всѣхъ сторонъ, интересы которыхъ затрагиваются дѣятельностью режиссера.

Комиссія единогласно приняла это предложеніе и такимъ образомъ, оказывается, режиссерскій вопросъ прочно поставленъ на очередь въ сценическомъ мирѣ. Если комиссія съѣзда режиссеровъ закончитъ свою работу къ будущему посту, то послѣдняя послужитъ хорошимъ матеріаломъ для режиссерской комисіи Театр. Об-ва. Несомнѣнно, характеръ обѣихъ работъ будетъ не одинаковъ. Работа комисіи съѣзда режиссеровъ будетъ носить, вѣроятно, отнѣнокъ болѣе идеальный, вырабатываться будутъ, вѣроятно, желательныя нормы, между тѣмъ, какъ комиссія Театр. Об-ва несомнѣнно обратитъ вниманіе болѣе на практическую сторону дѣла, на примѣнимость тѣхъ или иныхъ нормъ къ современной театральной жизни. Изъ общихъ работъ и вытечетъ наилучшее.

И такъ вопросъ о режиссерѣ на очереди! Берегитесь, режиссеры-самодержцы, какъ называлъ ихъ Панинъ. А побѣда все-таки останется за сильными! *С. Ситникова.*

Жолая драма.

Мориса Метерлинка. (Перев. съ французскаго).

(Окончаніе).

Проникать въ глубь человѣческой совѣсти — это позволено и это даже требуется отъ философа, моралиста, романтика, историка, поэта лирическаго, въ строгомъ смыслѣ этого слова; но драматическій писатель ни въ какомъ случаѣ не долженъ стать бездѣятельнымъ поэтомъ (философомъ) или зрите-

1. Пл. Мамонтовъ (швейцарь); 2. Любошицъ (Гроссманъ); 3. С. С. Мамонтовъ (Звягинцевъ); 4. Вашковъ (докторъ); 5. Шмидтъ (Сухатовъ); 6. Раумонскій (Федоръ Ивановичъ); 7. Родионовъ (Яковъ); 8. Секеловъ-Кречетъ (Григорій); 9. Шеръ (вызд. лавъ); 10. Шмерлингъ (вызд. лакей); 11. Телешовъ (артельщикъ отъ Бурды); 12. Гославскій (2-й мужикъ); 13. Ковравскій (Петрищевъ); 14. Рсеви тевиъ (Кси); 15. Ходосевичъ (Вово); 16. Потресева-Яблоповская (Звѣдичева); 17. Ильпарская (Толбухина); 18. Рындина (Бетеръ); 19. Юлши а-Чургуова (Тая); 20. Чурковъ (1-й мужикъ); 21. Гиларовскій (кучеръ); 22. Гавриловъ (Семень); 23. Выставкина; 24. Потресева-Яблоповскій (псагъ); 25. Эжя (кухарка); 26. Ермиловъ (3-й мужикъ).

Спектакль писателей и журналистовъ—„Плоды просвѣщенія“, въ Москвѣ 27-го марта (Снимокъ К. Э. Лео).

лемъ. Что бы ни дѣлали, какія чудеса ни стали бы придумывать въ качествѣ верховнаго закона, —на-сущною потребностью театра всегда останется—дѣй-ствие. Лишь только взвизываетъ занавѣсъ, высшій нашъ интеллектъ неожиданно измѣняется; и мыслитель, моралистъ, мистикъ или психологъ, сидящій въ насъ, уступаютъ мѣсто инстинктивному зрителю, человѣку, помимо его воли наэлектризованному толпой и который желаетъ видѣть то, что происходитъ на сценѣ. Какъ ни странно это превращеніе, или перемѣна, оно, однако, очевидно, находится въ зависимости отъ, вліянія человѣческой толпы, отъ несомнѣнно присущей намъ душевной способности, какого-то особаго примитивнаго и почти неусовершенствованнаго органа для думанія, игры и движенія въ толпѣ. Въ этомъ случаѣ самая удивительная, самая глубокая слова часто совершенно не затрогиваютъ насъ, если они не оказываютъ никакого вліянія на ситуацію, если они не примыкаютъ къ дѣйствию, если они не подвигаютъ назрѣвающаго конфликта, не способствуютъ окончательному его разрѣшенію.

Но откуда рождается дѣйствіе въ человѣческой совѣсти?

Въ первой своей стадіи она разрушаетъ разныя противоположныя другъ другу страсти. Но, лишь она только нѣсколько поднимается, то если ее ближе разсмотрѣть,—хотя бы даже съ высоты первой ступени,—можно уже съ увѣренностью сказать, что она является всегда плодомъ борьбы между страстью и моральнымъ долгомъ, между обязанностью и желаніемъ. И такимъ образомъ, новая драма удѣляетъ преимущественное вниманіе про-

блемамъ современной морали; можно, пожалуй, даже сказать, что она почти ими одними только и питается.

Это начинается съ драмъ Александра Дюма-сына, которая переносили на сцену моральные конфликты самаго элементарнаго рода, и жили разрѣшеніемъ такихъ праздныхъ, въ сущности, вопросовъ, которые идеальный моралистъ,—какимъ предполагается зритель,—вовсе и не думаетъ предлагать—столь несомнѣненъ характеръ отвѣта. Слѣдуетъ ли простить невѣрной женѣ или невѣрному мужу? Законно ли отвѣчать на невѣрность невѣрностью? Имѣетъ ли право незаконно-рожденное дитя? Бракъ по склонности (какъ его называютъ въ этихъ странахъ)—предпочтительнѣе ли брака по расчету? Допустимъ ли разводъ, когда плодомъ брака явилось дитя? Невѣрность жены болѣе ли преступна, чѣмъ невѣрность мужа? и проч., и проч.

Въ концѣ концовъ, весь теперешній французскій театръ, и добрая часть театра иностраннаго, составяющаго лишь сколокъ съ французскаго театра, питается исключительно подобнаго рода вопросами и отвѣтами на нихъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ,—совершенно излишними.

Но съ другой стороны, на высшей ступени совѣсти человѣческаго сознанія это кончается драмами Бьернсена, Гауптмана и, главнымъ образомъ, Ибсена. Тутъ мы подходимъ къ концу рессурсовъ современной драматургіи. Дѣйствительно, чѣмъ глубже мы проникаемъ въ человѣческую совѣсть, тѣмъ меньше конфликтовъ мы тамъ находимъ. Не возможно очень далеко проникать въ людское сознаніе, если это сознаніе не достаточно просвѣт-

лено: потому что совершенно безразлично, сдѣлаете ли вы десять или тысячу шаговъ въ глубину сознанія, погруженнаго въ мракъ.—вы не найдете тамъ ничего неожиданнаго, ничего новаго, ибо *мракъ повсюду одинаковъ*. Съ другой стороны, совѣсть очень просвѣтленная имѣетъ страсти и желанія, неизмѣримо болѣе требовательныя, безконечно болѣе мирныя, болѣе терпѣливыя и терпимыя, болѣе благородныя, болѣе абстрактныя и болѣе благородныя, чѣмъ обыденная человѣческая совѣсть. Тамъ, въ глубинѣ, гораздо меньше ссоръ, и во всякомъ случаѣ, гораздо менѣе жаркихъ, между этими страстями, выросшими и облагороженными уже тѣмъ однимъ, что онѣ огромны, высоки и обширны, ибо нѣтъ ничего болѣе дикаго, шумливаго и опустошительнаго, чѣмъ замкнутый въ крутыхъ берегахъ ручей; и нѣтъ ничего болѣе спокойнаго, болѣе молчаливаго и благостнаго, чѣмъ широкая, разлитая рѣка, въ далекихъ своихъ берегахъ.

Съ другой стороны, это просвѣтленное сознаніе склоняется передъ несравненно меньшимъ количествомъ законовъ, признаетъ безконечное меньшее количество обязанностей, вредныхъ или сомнительныхъ. Можно, пожалуй, сказать, что нѣтъ такой лжи, ошибки, предрасудка, условности, полуистины, которыя не могли бы принять, да и принимаютъ формы обязанности или глухого совѣстливаго предчувствія. Такимъ образомъ, честь въ смыслѣ рыцарскомъ и супружескомъ, (подъ послѣднимъ выраженіемъ я разумѣю честь мужа, которую ставятъ въ зависимость отъ измѣны жены), мечь, болѣзненная стыдливость, гордость, тщеславіе, благочестіе по отношенію къ нѣкоторымъ богамъ и тысячи другихъ иллюзій стали и продолжаютъ еще быть неисчерпаемымъ источникомъ множества обязанностей, абсолютно священныхъ, абсолютно неоспоримыхъ для большого количества низшаго сорта сознаній. И эти, такъ сказать, обязанности составляютъ главный двигатель всѣхъ драмъ романтической эпохи и большинства современныхъ. Но въ сознаніи совѣсти, достаточно проникнутомъ здоровымъ и живымъ свѣтомъ, очень трудно акклиматизироваться этимъ безжалостнымъ обязанностямъ, роковымъ образомъ толкающимъ, тѣхъ, что отягощены ими, къ смерти, либо къ несчастью. Нѣтъ больше такой чести, такой мести, такой условности, которыя бы непремѣнно требовали крови.

Здѣсь нѣтъ болѣе предрасудковъ, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ коихъ являются слезы, или несправедливости, которая подстерегала бы несчастіе. Кончилось царство боговъ, которые приговариваютъ къ мукамъ, а также и любви, непремѣнно требующей смерти! И когда солнце проникло въ совѣсть мудраго, какъ надо надѣяться, оно войдетъ когда-нибудь въ сознаніе всѣхъ людей, тогда стали различать одну лишь обязанность—это дѣлать какъ можно меньше зла и любить другихъ, какъ самого себя; но изъ этой обязанности драмы не рождаются.

Посмотрите, на примѣръ, что происходитъ въ драмахъ Ибсена. Тамъ, правда, проникаешь очень глубоко въ человѣческую совѣсть; но драма дѣлается возможной лишь потому, что забираешься туда въ сопутствіи особаго свѣта, краснаго, капризнаго и, такъ сказать, зловѣщаго, который освѣщаетъ одни лишь странные фантомы. И, дѣйствительно, почти всѣ обязанности, которыя являются двигательнымъ импульсомъ трагедій Ибсена, суть обязанности, находящіяся не внутри, а внѣ сознанія, здраво освѣщеннаго; тѣ же обязанности, которыя онъ полагаетъ черезъ это сознаніе,—очень часто чрезвычайно близко подходятъ къ несправедливой гордости, чему то въ родѣ безумія, печальнаго и болѣзнен-

наго. Чтобы вполнѣ высказать всю мою мысль, я долженъ прибавить, что это замѣчаніе ничего не отнимаетъ отъ удивленія, которое мнѣ внушаетъ великій скандинавскій поэтъ; потому что, если и правда, что Ибсенъ прибавляетъ очень мало здоровыхъ элементовъ къ современной морали, онъ зато, можетъ быть, единственный, который въ театрѣ предвидѣлъ и осуществилъ поэзію еще непонятную, но новую, и который сдумалъ окружить ее поэзіей и грандіозностью, дикой и таинственной (всёконечно слишкомъ дикой и туманной, чтобы стать общей и окончательной), которая ничѣмъ не обязана поэзіи драмы, насильственно раскрашенныхъ въ древность или Ренессансъ.

Но, въ ожиданіи того времени, когда къ человѣческой совѣсти пристанетъ болѣе полезныхъ страстей и менѣе гнусныхъ обязанностей и какъ прямое слѣдствіе этого, на сценѣ будетъ больше счастья и меньше трагедій—огромная потребность въ милосердіи и справедливости, которая заслонитъ всѣ другія,— существуетъ и въ настоящее время въ глубинѣ всѣхъ сердецъ «добрый воли». И, можетъ быть, что именно изъ борьбы этой потребности съ нашимъ невѣжествомъ и эгоизмомъ, должна родиться истинная драма нашего столѣтія. Когда этотъ переходъ будетъ сдѣланъ, тогда какъ въ дѣйствительной жизни, такъ и на сценѣ, возможно будетъ, пожалуй, говорить о новомъ театрѣ: *о театрѣ мира и красоты безъ слезъ*.

Закулискыя тѣхи.

Не у дѣль.

Когда онъ появился за нашими кулисами—никто не замѣтилъ, и такъ, не замѣчая его, всѣ привыкли къ нему и когда однажды онъ не пришелъ, всѣ на это обратили вниманіе.

Его не замѣчали потому, что онъ появлялся въ разгарѣ работы, когда всѣ были заняты. Во время безумно-спѣшныхъ репетицій, въ сутолкѣ и суматохѣ спектакля, приходилъ онъ, выждавъ начала, и незамѣтно исчезалъ, когда репетиція или спектакль подходили къ концу.

Въ своемъ неизмѣнномъ, рваномъ пальто, застегнутымъ на всѣ пуговицы, съ поднятымъ воротникомъ, онъ стоялъ, прижавшись къ кулисамъ и жадными глазами смотрѣлъ на сцену, гдѣ кипѣла актерская работа.

И вотъ, когда онъ однажды не пришелъ, всѣ обратили вниманіе, замѣтили и встрѣтили его разспросами, какъ стараго знакомаго.

— Гдѣ вы, батенька, пропадали? Что съ вами?

Онъ радостно пожималъ всѣмъ руки и радостно, любовно смотрѣлъ въ глаза.

— Хвораль. Прихворнулъ маленько. Есть тутъ ночлежный домъ... частный... Снимаю уголь. И сыро, и безпокойно. Грубый кругомъ народъ.

Началась репетиція и опять нѣсколько часовъ стоялъ онъ и жадными глазами смотрѣлъ на сцену...

Теперь онъ началъ появляться въ уборныхъ. Приходилъ и садился въ сторонкѣ на табуретку. Если ему предлагали папироску—бралъ и, съ удовольствіемъ закуривъ, смотрѣлъ, какъ актеры гримировались, одѣвались, смотрѣлъ жадными, голодными глазами, какъ голодный смотрѣлъ-бы на обильную, вкусную пищу.

Иногда у него вырывались замѣчанія, короткія, робкія фразы, изъ которыхъ мы узнали, что раньше онъ служилъ во многихъ труппахъ, на вторыхъ роляхъ. Лѣтомъ дѣло, гдѣ онъ служилъ, лопнуло, денегъ не было, пришлось все заложить, чтобы выбраться изъ труппы и добраться до ближайшаго города. Почему онъ пріѣхалъ именно въ этотъ городъ—онъ не зналъ и самъ. Надежда устроиться, найти работу, попасть въ дѣло. Захворалъ, лежалъ въ больницѣ—и когда заглянулъ въ театръ, работа уже кипѣла, труппа полна, переписчики осаждали контору и рвали изъ рукъ пьесы для расписки ролей... А онъ конфузливый и скромный стоялъ въ сторонѣ и ему оставалось только смотрѣть на чужую работу. Никогда ничего не просилъ и, когда ему предлагали—кто полтинникъ, кто тридцать копѣекъ—и когда и рубль—онъ конфузился, опускалъ глаза и бралъ.

— Мнѣ очень стыдно, но я возьму. Спасибо

вался, голосъ его хрипѣлъ, срывался, онъ то торопился, то искалъ слово—но какъ ни какъ репетиція пошла... Актеры не привязывались; что знали, говорили, изрѣдка заглядывали въ тетрадки. Только одинъ вломился было, сталъ возмущаться суфлеромъ, переконфузилъ Петрова—но дѣло объяснилось просто:—онъ ни въ зубъ толкнуть не зналъ роли и даже не зналъ, о чемъ рѣчь. Режиссеръ понялъ его штуки, актера отпустили подзучить роль, его сцену пропустили, успокоили Петрова и стали репетировать дальше.

Петрову повезло. Въ тотъ-же день, когда стали собираться на утренникъ, одинъ актерикъ не пришелъ, а игралъ онъ двѣ роли: выходилъ сержантомъ, а потомъ дѣлалъ доклады во дворцѣ герцога. Кинулись туда, сюда, хотѣли какъ-нибудь передать роль—ничего не выходитъ. Опять вспомнили про Петрова.

— Голубчикъ, сыграйте.

— ♪ „РЕВИЗОРЪ“ ВЪ ТЕАТРѢ РЕЖАНЪ -- ВЪ ПАРИЖѢ. ♪ —

Режанъ читаетъ вступительную лекцію передъ началомъ спектакля.

Анна Андреевна, городничиха (артистка Miller).

Хлестаковъ (Signoret).

Трактирный слуга. (Basseuil).

вамъ. Очень трудно жить, хочется ѣсть. Сегодня не удалось пообѣдать... Трудно, знаете, когда не у дѣлѣ.

Онъ конфузливо смѣялся и долго, долго жалъ руку.

Къ дѣлу у насъ пристроиться ему какъ-то не удавалось. Дали ему пьесу—расписать роли—онъ держалъ долго, многое пропустилъ, попросить денегъ на бумагу постѣснялся, а на скверной бумагѣ жидкія, вѣроятно не разъ разбавленныя чернила расплылись звѣздами, и актеры съ трудомъ разбирали дрожащей, торопливой почеркъ. Замѣчанія ему не сдѣлали, а переписывать роли опять стали отдавать быстрымъ, набившимъ руку писарямъ.

Какъ-то было въ день два спектакля, а утромъ назначили кромѣ того репетицію. Суфлеръ заартачился.

— Да что вы, господа, я не могу. Пожалуйте мое горло...

Суфлера отпустили, а репетицію провести необходимо... Что-же дѣлать?

Актеры заняты. Вспомнили про Петрова.

— Голубчикъ... посуфлируйте.

— Да я съ радостью...

И онъ торопливо, волнуясь и конфузясь, въ своемъ неизмѣнномъ, рваномъ застегнутомъ пальто, прошелъ на сцену и сѣлъ за столикъ... Онъ волно-

— Я съ наслажденіемъ... Сержанта игралъ... играніая роль.

Хотя роль была нѣсколько фразъ, однако безъ репетиціи пустить его не рѣшались. Общая сцена.

— Господа, наскоро пройдемъ сценку. Постниковъ, Розенблюмъ, идите скорѣе. Господинъ Петровъ, пожалуйста.

Дрожа отъ невольнаго волненія, Петровъ вышелъ на сцену, принялъ позу браваго солдата, взмахнулъ рукой, и неестественно усиливъ голосъ, проговорилъ свою первую фразу:

— «Красотка! дай намъ стаканъ вина».

— Веселѣе, свободнѣе! Поднимите тонъ,—указывалъ режиссеръ.—Да снимите пальто, оно весь стѣсняетъ.

Петровъ густо покраснѣлъ.

— Позвольте не снимать...

— Глупости, снимите. Вамъ-же легче.

— Мнѣ и такъ удобно, право.

— Всѣ репетируютъ безъ пальто. Снимите.

— Позвольте не снимать... Увѣрю васъ, мнѣ удобно.

— Что за глупости. Вамъ трудно снять?

Петровъ краснѣлъ и мялся.

Репетиція остановилась. Стало какъ-то неловко...

— Что мы ждемъ? До спектакля будемъ репетировать?—ворчалъ Постниковъ.

Режиссеръ сталъ раздражаться.

— Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ съ вами спорить некогда. Правило нормального договора, — должны его знать... Ну и что-же? Долго васъ будемъ ждать?

Въ театральномъ дѣлѣ, когда каждый пустякъ можетъ помѣшать, каждая остановка прерываетъ ходъ работы и тормозитъ съ трудомъ пущенное въ ходъ колесо—люди становятся грубѣе, нервнѣе, настаиваютъ на пустякахъ и раздражаются мелочами. И всѣ какъ-то забыли свою обычную мягкость и осторожность, съ которой относились къ Петрову — и сейчасъ чувствовали къ нему раздраженіе и недоброежелательность, и злобу. Почувствовавъ это, или просто не смѣя, во имя театральной дисциплины, спорить дальше, Петровъ конфузливо отошелъ въ сторонку, снялъ пальто и вернулъся на свое мѣсто.

Когда мы увидели его — мы растерялись. Всѣмъ стало стыдно и сердце сжалось отъ боли и жалости, мучительной жалости къ человѣку, который сейчасъ, какъ у позорнаго столба, стоялъ передъ нами.

Старенькій пиджачишко съ чужого плеча былъ великъ и висѣлъ складками, еще болѣе выдѣляя худобу тощаго тѣла. Жилета не было: одна пуговица оборвалась, пиджакъ разлѣзлся и оттуда виднѣлась нестренькая грязная рубашка. Изъ широкаго воротника торчала худая, голая шея. Рваныя брюки уцѣлѣли какимъ-то чудомъ внизу, а сверху зіяли сплошныя дыры. На протертыхъ колѣняхъ сквозило тѣло. Всегда застегнутое старенькое пальто скрывало эти рубища, поднятый воротникъ закрывалъ голую, жилистую шею, и тогда Петровъ имѣлъ жалкій, но приличный видъ; сейчасъ передъ нами стоялъ нищій, жалкій оборванный нищій, сгорающій отъ мучительнаго стыда, что его заставили признаться въ нищетѣ, обнаживъ передъ всѣми позорныя язвы бѣдности...

— Ступайте, надѣньте пальто, Петровъ... Простите, Петровъ...

Петровъ отошелъ, молча надѣлъ пальто, застегнулся, вернулся на мѣсто. Всталъ, принявъ позу браваго солдата, взмахнулъ рукой и, не глядя намъ въ глаза, невѣрнымъ, дрожащимъ голосомъ, повторилъ свою фразу:

— «Красотка. Дай намъ стаканъ вина».

Репетиція пошла дальше.

Окончивъ репетицію, пошли сейчасъ-же гримироваться къ утреннику.

Петрову освободили мѣстечко, дали зеркало, кто-то предложилъ краски — и онъ съ наслажденіемъ надѣвалъ на себя убогій мундиръ сержанта, зализывалъ свои упрямые, давно не стриженные волосы и вмазывалъ въ жесткую, серебриющуюся, ранней сѣдиной щетину небритой бороды жирную, приторно-пахнущую краску. Худое лицо его ожило, глаза его горѣли — и онъ, размазанный красками, въ кривомъ, всклокоченномъ, бѣломъ парикѣ, нелѣпомъ, балаганномъ мундирѣ, трепеталъ отъ радости, оживленно жестикулировалъ и что-то говорилъ долго и торопливо, худой и жалкій, какъ мертвецъ, которому на короткій срокъ вернули жизнь.

Въ душѣ его вспыхнули дѣтскія надежды, все казалось веселымъ и радостнымъ и онъ дѣлился своими мечтами.

— Вотъ если-бы за сүфлированіе да за спектакль дали рубля полтора — это было-бы хорошо. Очень хорошо. Заплатилъ-бы за уголь — я долженъ

восемь гривенъ, — ботинки починилъ-бы, — это главное. А то промокаютъ ноги, калоши пѣтъ. А тамъ если заработаю еще, можетъ удастся и уѣхать. Недалеко знакомая труппа, тамъ я устроюсь. А то такъ тяжело быть не у дѣлъ... Мнѣ-бы заработать рублей семь, только-бы сразу, чтобы уѣхать. А то проживенъся и опять будешь сидѣть здѣсь.

Онъ говорилъ, мечталъ и всѣ его слушали, сочувствовали и радовались его радости и улыбка.

— Вы не разсердитесь, Петровъ, не обижайтесь: у меня брюки есть — я принесу вамъ.

— Что вы? Спасибо.

— Покажите-ка ногу... Вотъ хорошо. Я захвачу калоши — будутъ впору.

— Благодарю... Очень благодаренъ...

— Можетъ, устроимъ вамъ что-нибудь. Приходите вечеромъ. Приходите, Петровъ.

Петровъ конфузливо улыбался, радостными глазами глядѣлъ въ глаза и долго, долго пожималъ дружескія руки.

Это былъ счастливый день для Петрова.

Когда онъ пришелъ вечеромъ, его заняли опять на выходъ и, по распоряженію антрепренера, выдали въ конторѣ пять рублей. Онъ потерялся отъ неожиданности... Въ уборной ждали его подарки: актеры нанесли что что могъ: и платья, и обуви, и бѣлья, даже галстуковъ — одѣли съ ногъ до головы. Но уже верхомъ неожиданности и счастья для Петрова было, когда Постниковъ отозвалъ его въ сторону и, конфузясь, сталъ совать ему въ руки конвертъ:

— Вы не обижайтесь, Петровъ, это мы собрали вамъ... Позвольте какъ товарищу... Тутъ рублей семнадцать... сколько могли. Вы не обижайтесь.

— Господи... Какъ-же это?.. Зачѣмъ, право? — растерялся тотъ. — Семнадцать рублей... Это много... ну зачѣмъ?... Спасибо. И вамъ спасибо, и товарищамъ.. глубоко, глубоко благодаренъ.

Чудаки-актеры. Кричатъ, ругаются, унижаютъ и людей, и другъ друга, врутъ, клеветаютъ, водятъ за носъ кредиторовъ, выдѣлываютъ такія вещи, что и сказать обидно, — то вдругъ, какъ маленькія дѣти, поддадутся впечатлѣнію, порыву и рады отдать послѣднее, плачутъ чужимъ слезамъ, радуются чужой радостью, незлобивые и чистые, какъ дѣти... Чудаки актеры!..

Петровъ ходилъ по уборнымъ и благодарилъ, благодарилъ такъ радостно, такъ просто и отъ души, что въ этомъ не было ни капли ни униженія, ни заискиванія и только одна глубокая простосердечная радость.

— Спасибо, господа. Очень благодаренъ. Я сегодня-же и уѣду. Поѣздъ естъ ночью. Расплачусь и поѣду, а завтра къ вечеру и на мѣстѣ. Тамъ я сейчасъ-же устроюсь — все знакомые, приятели. А вамъ, господа, спасибо. Большое спасибо! — и онъ радостно улыбался, ласково и дружески смотрѣлъ въ глаза и долго, долго жалъ руки.

Простился и уѣхалъ. Такъ больше мы его и не видали и не знали, что онъ и что съ нимъ. Нашелъ-ли онъ своихъ друзей, устроился-ли тамъ и выбился-ли изъ темной полосы неудачъ — или улыбающаяся была судьба опять повернулась къ нему спиной — и онъ въ поискахъ работы, деньги прожилъ, промѣнялъ приличное платье на рвань — и опять въ своемъ старомъ, рыженькомъ пальто, застегнувшись на всѣ пуговицы и съ поднятымъ воротникомъ, чтобы скрыть отсутствіе бѣлья, часами стоитъ, прижавшись къ кулисъ и голодными, жадными глазами смотреть на сцену, гдѣ кипитъ актерская работа.

Н. Урванцовъ.

Театральныя замѣтки.

Нѣдѣли двѣ назадъ я прочиталъ въ Театральномъ Клубѣ лекцію «Мысли о театрѣ». Экстрактъ лекціи былъ изложенъ въ послѣднихъ «замѣткахъ». Когда я составлялъ свою лекцію, то не думалъ, что теоретическія исканія мои такъ близки къ голосу жизни. Значительную часть лекціи составлялъ очеркъ развитія сценическаго амплуа, такъ какъ эволюція драматической литературы, по моей мысли, есть взаимодѣйствіе консервативнаго начала сценическаго искусства съ освобождающимъ началомъ литературнаго творчества. Черезъ два дня послѣ моей лекціи, коммисія, собранная Театральнымъ Обществомъ въ Москвѣ, возстановила «амплуа» въ контрактахъ. Правда, еще черезъ нѣсколько дней съѣздъ режиссеровъ объявилъ «амплуа» низвергнутымъ. Тѣмъ не менѣе, ясно, что это вопросъ очень современный и очень важный для жизни театра. И подъ влияніемъ этихъ голосовъ жизни, я еще болѣе укрѣпился въ своей идеѣ о преемственномъ развитіи амплуа, какъ о формѣ развитія театра.

Сейчасъ вопросъ практической — нужно или не нужно считаться съ амплуа въ театральныхъ постановкахъ — мы, пожалуй, оставимъ въ сторонѣ. Менѣе кого-бы то ни-было, я склоненъ считать, при раздачѣ ролей, амплуа началомъ непогрѣшимымъ — какъ потому, что актеры сами себя назначаютъ амплуа, и бываетъ, что амплуа такъ-же идетъ актеру, какъ коровѣ сѣдло, такъ еще болѣе потому, что современная, особенно наша русская драматургія, перегрузила себя до того литературой, что, точно, о какихъ-же амплуа тутъ можетъ идти рѣчь? Очень возможно (я не нахожу тутъ ничего невѣроятнаго), что кому-нибудь придется въ голову поставить на сценѣ басни Крылова, синтаксисъ Кирпичникова — я не знаю что — понятно, что всякія амплуа — придется послать по боку. Но смѣтъ-ли драматургія такъ издѣваться надъ театромъ, какъ она, въ наши дни, сплошь и рядомъ, издѣвается? Смѣтъ-ли она забывать свою исторію, какъ она ее забыла? Забыть тѣни великихъ актеровъ и актрисъ, которые ее вскормили, и тѣ формулы сценическихъ положеній, въ которыхъ, можно сказать, геометрически заключена сущность драмы?

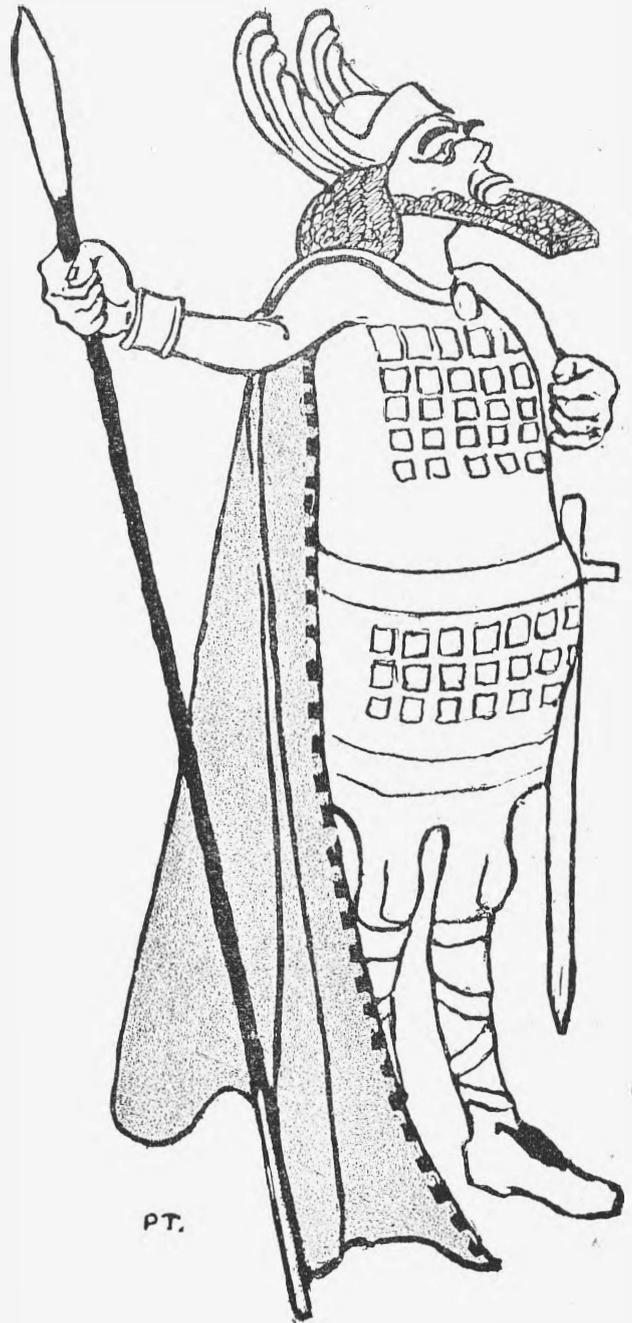
В. П. Далматовъ, ознакомившись съ моей лекціей, со свойственнымъ ему тонкимъ юморомъ, замѣтилъ:

— Вы, конечно, кое-что уступите...

Само собой разумѣется, уступлю. Я торговалъ съ запросомъ. Но иначе и невозможно. Когда видишь, что искаженіе театра зашло такъ далеко; когда ясно чувствуешь, что, съ одной стороны, актера убираютъ въ тѣнь, въ родѣ шелковой подкладки, никому незамѣтной подъ верхнимъ платьемъ всяческой бутафоріи, механики и техники, а съ другой стороны, — актера просто посылаютъ къ чорту и заявляютъ: «довольно, если «робкій чтецъ» будетъ читать голосомъ безстрастнаго «Нѣкоего въ сѣромъ» — то, естественно, что объявляешь свой товаръ незапродажнымъ и завѣтнымъ. Это не значитъ, конечно, что такъ-таки, никакой покупной цѣны не существуетъ.

Поторгуемся, и дѣло сладится...

Я зову драматическую литературу домой, назадъ, къ роднымъ пенатамъ, къ амплуа, которыя она была, къ формамъ искусства, которыя она отвергла и тѣмъ убила красу театра. Амплуа, насколько позволяетъ судить исторія европейскаго театра, есть голосъ актера въ душѣ писателя. По амплуа вы можете прослѣдить всѣ театральныя наслоенія

„Золото Рейна“, Р. Вагнера.
Вотанъ (г. Касторскій). (Шаржъ).

драматургіи. Исторія амплуа это — «палеонтологія» театра.

Я цитировалъ въ своихъ прошлыхъ замѣткахъ книгу Брюнетьера, въ доказательство того, что и этотъ тонкій критикъ и историкъ драматической литературы совершенно не обратилъ вниманія на роль амплуа въ исторіи драматической литературы. А между тѣмъ Брюнетьеръ невольно выдаетъ иногда это значеніе амплуа, лишь не находя для этого закона театра соотвѣтствующаго обобщенія. Такъ, на примѣръ, въ главѣ о «Свадьбѣ Фигаро» Бомарше, Брюнетьеръ говоритъ, что едва-ли не главной заслугой комедіи, въ смыслѣ историческаго развитія формъ, было то, что Бомарше вывелъ на сцену женскіе характеры, тогда какъ еще у Мольера, на примѣръ, Селимена или Агнесса суть только «поводы» (occasions), чтобы обнаружить характеры Альсеста и Арнольфа.

То, что Брюнетьеръ считаетъ у Бомарше исключительно «характерами» «есть однако прообразъ

grande-coquette и ingénue. У Мольера этих амплуа еще не было. У него были только «amoureuſes» и «soubrettes». Бомарше расширил рамки женских амплуа и положил начало множеству других произведений, тоже не лишенных, быть может, больших достоинств, въ которых coquettes и ingénues уже въ свою очередь были не болѣе, какъ «occasions», т. е. поводами для обнаруженія характеровъ, идей, моральных истинъ... Какъ въ шахматной игрѣ существуютъ одни и тѣ-же дебюты, которыми начинается игра, и изъ которыхъ лишь въ дальнѣйшемъ обнаруживается индивидуальность игроковъ, такъ и въ театрѣ у всякаго «характера» и всякаго «положенія» есть свой «дебютъ», своя маска театральнаго персонажа. Ростъ театра — въ постепенномъ видоизмѣненіи, перерожденіи, перелицовкѣ масокъ театральнаго персонажей. Въ этомъ и есть традиція театра. Традиція же литературы составляетъ свою самостоятельную область, но она, не подчинившись традиціи театра, не можетъ и войти въ исторію театра.

Оглянитесь назадъ. Вотъ, напримѣръ, великій Кальдеронъ. «Всѣ его характеры—читаемъ у Сто-роженка—можно свести къ нѣсколькимъ типамъ: любовника, ревниваго мужа, брата и т. д., всѣ они дѣйствуютъ въ извѣстныхъ положеніяхъ совершенно одинаково и даже говорятъ однимъ и тѣмъ-же блестящимъ поэтическимъ языкомъ». Эти «нѣсколько типовъ» суть нѣсколько театральнаго персонажей. Этотъ кальдероновскій «братъ» есть зародышъ резонера. Сколько пролита чернилъ и какъ много потрачено глубокомыслия на объясненіе философскаго значенія «тѣни» отца Гамлета! А взгляните на вопросъ проще. «Тѣнь» была театральнымъ амплуа. Еще въ половинѣ XIX вѣка въ контрактахъ писали «на роли драбантовъ и тѣней». А «comedia a sara y espada», комедія плаща и шпаги у испанцевъ—не вся ли она состояла изъ нѣсколькихъ «типовъ» т. е. персонажей, въ однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ, съ литературнымъ лишь вариантомъ, дѣлавшихъ одно и то же?

Въ области комедіи, вообще, преобладающее значеніе театральнаго персонажа до того очевидно, что доказательства, пожалуй, и излишни. Достаточно вспомнить, что французская комедія возникла подъ непосредственнымъ влияніемъ италіанской, а послѣдняя развилась изъ такъ назыв. commedia dell arte, о которой очень интересную статью въ одной изъ недавнихъ книжекъ «Библиотекки Театра и Искусства» напечаталъ Н. Н. Долговъ. Авторъ называетъ commedia dell arte «пьесами безъ ролей». Точнѣе се надо называть «пьесами театральнаго персонажей». Я настоятельно совѣтую читателямъ прочитать эту статью. Commedia dell arte—это пьеса, которая разыгрывается персонажами, соотвѣтственно амплуа, при чемъ текстъ импровизируется. Въ Арлекинѣ, Коломбинѣ, Пьеро, Леліо, Леандрѣ, Панталеоне и пр. вы находите зерно всѣхъ театральнаго амплуа комедіи и всѣхъ многообразныхъ характеровъ и типовъ, воспроизведенныхъ на подмосткахъ въ теченіе вѣковъ. Тутъ простакъ, комикъ, любовникъ лирической, любовникъ драматической, ingénue, coquette и пр. Если не ошибаюсь, считалось 12 амплуа, и 12 персонажей составляли труппу.

Нѣсколько запутаннѣе и темнѣе вопросъ о развитіи амплуа, какъ основѣ развитія театра, въ области трагедіи и драмы. Однако и здѣсь, при внимательномъ разсмотрѣніи, раскрывается тотъ-же основной законъ театра.

Испанская Heroica, какъ французская ложно-классическая трагедія, имѣетъ однихъ и тѣхъ-же персонажей. «Героическое» совпадало всегда съ

«царственнымъ». Амплуа царей, вождей, вельможъ. «Быть» ихъ не касался, тривиальное не накладывало тѣни на царственность героическаго рода. Рядомъ съ этимъ амплуа царей, вы видите амплуа резонера—отголосокъ древне-греческаго хора, преимущественно старика. У Шекспира, который былъ менѣе олитературенъ, чѣмъ Расинъ, Корнель или Вольтеръ, амплуа проходятъ красною нитью. Всѣ главные роли написаны для героическаго актера (на нынѣшнемъ театральномъ жаргонѣ — герой-любовникъ). Почти во всѣхъ пьесахъ имѣется шутъ. Этотъ шутъ есть въ своемъ родѣ персонажъ изъ commedia dell arte, вставленный въ трагедію...

Когданибудь мы займемся этимъ вопросомъ подробно, и подтвердимъ нашу мысль рядомъ убѣдительнѣйшихъ фактовъ. Сейчасъ мы спросимъ только: какъ могъ театръ развиваться внѣ театральнаго амплуа, когда внѣ амплуа, какъ факта и закона театральнаго дѣйствительности, пьесы не могли играть, не могли имѣть успѣха, и даже не могли зародиться? Въдѣ Шекспиръ, Мольеръ и многое множество другихъ драматурговъ, выражаясь словами Бѣлинскаго, жили въ театрѣ и умирали въ немъ? Въдѣ отъ того именно Корнель и Вольтеръ такъ рано умерли для театра, что въ нихъ все-таки было больше литературы, чѣмъ самаго театра, больше было плоти и мяса литературности, чѣмъ костяка и скелета сценическаго амплуа... Наконецъ, то, что всѣ пьесы распредѣлялись въ теченіи вѣковъ по амплуа, не доказываетъ-ли, что не только здравый смыслъ, не только техника сцены, но и законъ, традиція театральнаго искусства были на этой сторонѣ? Или вся исторія театра — ошибка? Или «свѣтъ» появился только съ момента возникновенія московскаго Художественнаго театра? Полно-те, господа! И этотъ театръ есть театръ амплуа, и въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ другіе. Развѣ такъ назыв. неврастеники пошли не отсюда? Развѣ чеховскія «Три сестры» не написаны «подъ театръ», и оттого жизнь этого произведенія кратковременнѣе тѣхъ пьесъ Чехова, которыя написаны для широкихъ амплуа театра, вообще, а не для узкихъ амплуа этого узкаго театра?..

Царь театра — актеръ. И потому законы театра суть законы актера. И потому классификація актерскихъ типовъ, актерскихъ эмоциональных, выразительныхъ и пластическихъ способностей должна опредѣлять жизнь театра, а не наоборотъ: классификація литературныхъ родовъ и типовъ должна опредѣлять жизнь театра. Въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не суйся, и если поэтъ не служитъ театру, не мыслитъ театромъ, не живетъ въ театрѣ, — онъ, рано или поздно, уйдетъ изъ него, и мы, при всемъ уваженіи къ его таланту, скажемъ: ска-тертью—дорога... Есть вѣчно театральное, какъ есть вѣчно-женственное... Das ewig—theatralische zieht uns hinan...

Еще разъ: я боюсь быть дурно понятымъ. Цѣль этихъ замѣтокъ не вопросъ объ амплуа при распредѣленіи ролей. Технически, этотъ вопросъ очень сложенъ и по моему, не допускаетъ абсолютнаго рѣшенія, прежде всего вслѣдствіе засоренія современнаго театра литературой, въ которой нѣтъ театра. Я провозглашаю амплуа, какъ консервативный, сдерживающій анархію литературнаго нашествія, законъ театра. Въ наши дни законъ забыть. И я призываю не только театръ, но и литературу, желающую служить театру, къ закону, къ священнымъ преданіямъ театра. Забвеніе амплуа, т. е. историческихъ разновидностей театральнаго искусства заводитъ театръ въ безграничную степь. Пора домой, подъ сѣнь родной смоковницы... **А. Кугель.**

Провициальная летопись.

НОВОЧЕРКАССКЪ. Я чувствую себя въ большомъ долгу передъ драматической труппой минувшаго зимняго сезона.— Ужъ слишкомъ мало пришлось мнѣ написать о ней! Труппа же была во всякомъ случаѣ не хуже по составу многихъ предыдущихъ, и посѣщаль я спектакли сравнительно не рѣже, чѣмъ въ прежние сезоны. Однако писать о спектакляхъ и исполнителяхъ мнѣ прямо таки не хотѣлось, и я невольно съ недѣли на недѣлю откладывалъ исполненіе своего долга. Серьезно думавшись въ это странное явленіе, я могу объяснить его лишь тѣмъ, что въ труппѣ *лично для меня* почти совсѣмъ не оказалось интересныхъ исполнителей, да и дѣло шло не такъ, какъ въ хотѣлось. Рѣдкій, очень рѣдкій спектакль проходилъ съ вполне хорошимъ ансамблемъ, и приятное впечатлѣніе отъ игры однихъ рѣзко нарушалось игрою другихъ, исполнявшихъ совсѣмъ непосильныя или просто неподходящія имъ роли. Лучшая и очень заинтересовавшая меня артистка г-жа Юренева выступала исключительно въ роляхъ загадочныхъ героинь разныхъ декадентствующихъ авторовъ, пьесы которыхъ при этомъ проходили съ наихудшимъ ансамблемъ... Какое, напр., впечатлѣніе можно было вынести отъ наиболѣе интересной пьесы этого цикла „Эросъ и Психея“, когда при хорошей даже обстановкѣ, кромѣ самой ЮрENEVOY—прекрасной Психеи, всѣ остальные исполнители были однимъ хуже другого?! Правда, нѣкоторыя другія подобныя пьесы „Снѣгъ“, „Ради счастья“, „Безумная Юлька“, проходили съ лучшимъ ансамблемъ, благодаря участію почти исключительно премьеровъ, но мнѣ-то онѣ сами, повторяю, совсѣмъ не нравились. Что же касается до дѣйствительно прекрасныхъ поэтически ролей ingénues-dramatiques классическаго и бытового репертуара (въ пьесахъ Шекспира, Шиллера, Островскаго, даже Ибсена, Гауптмана), то г-жа Юренева съ легкимъ сердцемъ предоставляла ихъ играть, правда, недурно актрисѣ, но совсѣмъ неподходящей къ нимъ по своимъ внѣшнимъ даннымъ... Офеліей, Джульетой, Мерціей, Солланжъ („Шуты“), Розой („Вой бабочекъ“), Луизой („Коварство и Любовь“), Раутенделейнъ и проч. и проч. являлась передъ нами хорошая бытовая артистка, довольно высокаго роста, съ громкимъ, грубоватымъ голосомъ, рѣзкими манерами, худымъ лицомъ и фигурой... Мнѣ очень неприятно обижать эту артистку, въ общемъ весьма недурно сыгравшую гораздо болѣе ролей, чѣмъ обѣ премьерши Юренева и Троицкая, вмѣстѣ взятыя,—но... кто же въ этомъ виноватъ? Не будь въ труппѣ ЮрENEVOY, которая сыграла не болѣе десятка ролей, я, конечно, сказалъ бы много лестнаго о трудолюбіи, темпераментѣ и разностороннемъ дарованіи г-жи Лилиной.

О г-жѣ Троицкой я уже высказывалъ свое мнѣніе. Это во всякомъ случаѣ не премьерша-героиня для большой хорошей труппы; ничего выдающагося, сильнаго, яркаго, увлекательнаго...

Обращаясь къ премьерамъ и вспоминая ихъ во всемъ разнообразіи исполненныхъ ими ролей, я опять таки прежде всего чувствую, что мнѣ почти нечего добавить къ не разъ уже сказанному о нихъ мнѣнію. Все это законченные артисты съ уже сложившейся—и не только для Новочеркасска репутацией. Все это „крупныя“ величины, но такихъ въ артистическомъ мірѣ, къ счастью, немало. Ни Рощина-Инсарова, ни А. И. Каширина, ни даже Лепковскаго—въ труппѣ не было. Если же не будетъ Неронова—явится Маликовъ, Николаево-Федорова вполне замѣнитъ Смирновъ или Михайловскій, Михайлова—Степановъ или Вадимовъ, Григорьева—Грессеръ или иной кто... Словомъ, ихъ замѣнять такъ же, какъ они въ свое время замѣнили своихъ предшественниковъ по амплуа. Правда, г. Двинскаго замѣнитъ будетъ потруднѣе; но и то скорѣе по количеству хорошо исполняемыхъ имъ ролей, чѣмъ по выдающемуся качеству исполненія каждой въ отдѣльности.

Въ самомъ дѣлѣ, за нѣсколько сезоновъ игры въ г. Новочеркасскѣ г. Двинскаго, я видѣлъ его въ сотнѣ разнообразныхъ ролей,—но особенно сильнаго, неизгладимаго впечатлѣнія онъ не произвелъ на меня, кажется, ни въ одной,—тогда какъ нѣкоторыя роли доселѣ такъ и всплываютъ въ моемъ воображеніи въ яркомъ, художественномъ исполненіи именно того, а не иного выдающагося артиста.

Обращаясь къ второстепеннымъ артистамъ и артисткамъ нашей труппы, я долженъ сказать, что въ этомъ отношеніи дѣло у насъ обстоитъ много хуже, чѣмъ въ другіе сезоны. Выдѣлился нѣсколько лишь одинъ г. Вронскій, простакъ и jецп-сотіісге, снискавшій даже любовь наиболѣе экспансивной части публики. Болѣе остановиться рѣшительно не на комъ... Сильно выдвигали г-жу Лабунскую и еще сильнѣе г-жу Чарову, однако результаты получились прямо противоположные желаемымъ.

Скажу болѣе, непосильныя роли, а особенно незаслуженныя подношенія—цѣфты и билеты якобы отъ восхищенной и благодарной публики—послужили въ прямой вредъ названнымъ артисткамъ, и онѣ вызвали къ себѣ въ концѣ концовъ даже враждебное отношеніе. Въ самомъ дѣлѣ, смѣшно и досадно было видѣть, напр., пустой театръ на бенефисѣ г-жи Чаровой и массу цѣнныхъ подношеній и дорогихъ цѣфтовъ,—а

съ другой стороны буквально переполненный театръ и единственный букетъ въ бенефисѣ г-жи ЮрENEVOY. Въ заключеніе отмѣчу еще, что въ труппѣ очень замѣтно чувствовалось отсутствіе комика-буффъ и grande dame.

Въ матеріальномъ отношеніи истекшій сезонъ былъ значительно слабѣе предыдущихъ, такъ что г. Крылову едва ли очистилось даже то сравнительно небольшое вознагражденіе за труды и рискъ антрепризы, которое онъ получалъ въ Новочеркасскѣ въ самые неудачные для него годы.

Матюга.

ТОМСКЪ. Театральный сезонъ драматической труппы М. И. Каширина и С. П. Невѣрина закончился съ убыткомъ для антрепренеровъ въ суммѣ свыше 4000 руб. Главной причиной этого является отсутствіе въ Томскѣ театра. Спектакли драматической труппы давались въ здѣшнемъ клубѣ-общественномъ собраніи, гдѣ нѣтъ ни ложъ, ни—что самое важное—галереи, почему многіе изъ средняго и низшаго класса вовсе не посѣщали спектаклей, стѣсняясь быть въ клубѣ, являясь куда, все-таки, надо и чище одѣться, и, вообще, имѣть приличный костюмъ. Труппа-же была, собственно, сносная. Особеннымъ успѣхомъ пользовались С. Ф. Волховская, Аносова, Н. А. Раковскій и С. П. Невѣринъ и друг. Кромѣ того, антрепренеры дѣлали все, чтобы привлечь публику;—на гастроли ими были приглашены—сначала М. М. Петипа, имѣвшій здѣсь крупный успѣхъ, и С. А. Тинскій, тоже пользовавшійся успѣхомъ.

Теперь у насъ гастролируетъ оперная труппа артистовъ московскаго Солодовниковскаго театра во главѣ съ А. Н. Дракули, артистомъ Императорскихъ театровъ. Пока ею даны, „Евгений Онѣгинъ“ Чайковскаго, „Демонъ“ Рубинштейна, „Карменъ“ Бизе, „Фаустъ“ Гуно, и „Севильскій цирюльникъ“. Небольшая сцена, плохія акустическія условія зала собранія, гдѣ даются спектакли, слабый хоръ (съ собой привезти большой и хороший хоръ,—это, конечно, потребуетъ значительныхъ расходовъ,—хоръ волей-неволей пополняется мѣстными пѣвцами и пѣвицами),—всѣ эти дефекты, исправить которые невозможно, много вредятъ полнотѣ впечатлѣнія. Тѣмъ не менѣе, оперные спектакли посѣщаются охотно и залъ собранія бываетъ набитъ биткомъ. Исполненіе болѣею частью неровное. Съ болѣешимъ ансамблемъ прошли „Евгений Онѣгинъ“, гдѣ слѣдуетъ отмѣтить г-жу Булгакову въ партии Татьяны (не во всѣхъ, впрочемъ, сценахъ), г. Образцова—въ партии Онѣгина и г-жу Доленго — исполнявшую роль няни и создавшую своей игрой, гримомъ и фигурой (помимо вокальной части исполненія) художественный образъ, и „Русалка“, гдѣ былъ безусловно хорошъ г. Дракули въ партии мельника. Удовлетворительными голосовыми средствами въ труппѣ обладаютъ г. Образцовъ, артистъ, видимо, съ хорошей школой и не лишенный проблемскаго драматизма, отчасти Г. Горянскій (теноръ, правда, слабый, но въ высшей степени приятнаго тембра) и г-жи Булгакова, Львова, Доленго и Корхъ. Я не говорю о г. Дракули—голосъ у него уже тронуть, далеко не свѣжъ; но онъ поетъ музыкально, недуренъ, какъ актеръ. Оперная труппа, вѣроятно, пробудетъ у насъ въ теченіе всего поста.

Но—повторяю—главное несчастье наше,—отсутствіе зданія театра. Одинъ изъ мѣстныхъ коммерсантовъ г. Дашевскій намѣренъ построить театръ—небольшой, предназначаемый, преимущественно, для публики низшихъ классовъ. Онъ проситъ для этой цѣли у города сдать ему въ аренду небольшой участокъ земли и всего на срокъ 5-ти лѣтъ. Участокъ этотъ свободенъ; но наши отцы почему-то медлятъ съ разрѣшеніемъ, и, пожалуй, г. Дашевскій откажется отъ своего намѣренія.

Пока-же крупныя дѣла у насъ дѣлаетъ циркъ Стрететова, дѣйствительно, хорошо обставленный, который почти всегда переполненъ публикой, и шантаны-рестораны И. Г. Горланова и Макаровой—„Россія“ и „Европа“, а также ресторанъ „Биржа“, въ которыхъ фигурируютъ различныя этуали шансонетнаго міра, хоры пѣвцовъ, танцовки, рассказчики (между ними попадаются не безъ таланта, какъ г. Убейко). Здѣсь въ публикѣ тоже нѣтъ недостатка и разгулъ идетъ полный до 3 ч. ночи, а затѣмъ—въ отдѣльныхъ кабинетахъ—и до утра. На лѣто снятъ лѣтній театръ въ саду „Буффъ“ Морозова М. И. Каширинымъ, который намѣренъ привезти опереточную труппу. Общественное же собраніе на зимній сезонъ 1908—1909 г. слано екатеринбургскому антрепренеру г. Строеву. Труппа у него будетъ—также драматическая и, по всей вѣроятности, опять, кромѣ убытка, для антрепренера ничего не получится: много у насъ говорятъ о драмѣ, о пользѣ ея, моральному влиянію ея на массу; а, между тѣмъ, охотниковъ до посѣщенія драматическихъ спектаклей—сравнительно немного.

Всеволодъ Сибирскій.

ЯКУТСКЪ. 17 февраля обществомъ приказчиковъ поставлена была пьеса Чирикова „Еврей“, собравшая большое количество публики, отсутствовала лишь мѣстная „аристократія“, духовные запросы которой дальше картъ не идутъ. Общество предполагаетъ поставить цѣлый рядъ пьесъ общественнаго характера. Въ текущую зиму здѣсь случайно образовалась труппа малороссовъ, имѣющая большой успѣхъ: пьесы прохоятъ по три раза при полномъ сборѣ, чего ранѣе въ Якутскѣ не бывало. Лѣтомъ сего года Якутскъ обогатится еще

однимъ общественнымъ зданіемъ — строится клубъ приказчиковъ съ порядочнымъ для нашихъ мѣстъ заломъ — $8\frac{1}{2} \times 5$ саженъ. За послѣдніе годы Якутскъ началъ увеличиваться и обстраиваться и, если осуществится вскорѣ проектъ соединенія Ленскаго бассейна желѣзной дорогой съ остальнымъ міромъ, то горожане могутъ надѣяться и на прїѣздъ постоянной труппы.

А. Тамарскій.

ЕНАТЕРИНОДАРЪ. Нашъ великопостный сезонъ, разнообразившійся раньше прїѣздами знаменитыхъ концертантовъ, спектаклями довольно сильной труппы нашего артистическаго Общества, въ этомъ году проходитъ довольно вяло. — Главныя силы Общества то болѣли, то уѣзжали, и правленіе, успѣвъ поставитъ три серьезныя вещи — „Волну“, „Въ сумеркахъ разсвѣта“ и „Иванъ Мироныча“, принуждено было пробавляться „Денежными тузами“, „Тайной“, „Ниной“, шедшими, правда, полнымъ ансамблемъ, благодаря хорошимъ силамъ и добросовѣстному новому режиссеру Антонову. Приглашенъ онъ послѣ двухмѣсячнаго „правленія“ „прославленнаго“ режиссера Дриго-Ратмирова.

Съ новымъ режиссеромъ Общество приготовило къ постановкѣ „Урїэля Акоста“, но наканунѣ спектакля, новый начальникъ области, генераль Бабычъ, послѣ перестрѣлки на главной улицѣ, при которой кромѣ пристава и двухъ горожанъ, поранено и убито еще человекъ 8—9, издалъ постановленіе о прекращеніи всѣхъ спектаклей къ „8 ч. вечера и о началѣ ихъ не ранѣе 4 ч. утра“. — Такъ какъ начинать ни въ 4 ч. утра, ни въ 4 дня не нашли удобнымъ, то временно прекратились спектакли Артистическаго о-ва, труппы малоросовъ Прохоровича, игравшей въ только что отстроенномъ и довольно удобномъ помѣщеніи цирка-театра Злобина, снятомъ на будущій сезонъ г. Судьбининымъ. По довольно достовернымъ слухамъ, съ 23-го марта все должно войти снова въ нормальную жизнь, а пока замираніе жизни съ 8 ч. веч. до 4 ч. утра во всемъ городѣ удручающе дѣйствуетъ на публику.

Всѣ надежды теперь на лѣтній сезонъ.

Если судить по составу драмы, первая часть сезона будетъ во всякомъ случаѣ интересна. Г. Дагмаровъ, режиссеръ кievскаго театра, имѣлъ уже у насъ успѣхъ и какъ артистъ, и какъ режиссеръ нѣкоторыхъ спектаклей въ труппѣ Н. И. Соболевскаго-Самарина.

Въ составѣ труппы есть знакомыя имена: г-жи Дарьяль, г-г. Смирнова, Булатова, Дагмарова, Зиновьева, Орлова-Чужбинина. Съ большимъ интересомъ ждемъ дебютовъ г-жи Юреновой, Вологиной и другихъ.

Л. С.—нъ.

ВИЛЬНА. Сезонъ окончился. Труппа разъѣхалась. Большинство артистовъ уже устроилось на будущій зимній сезонъ, въ Вильно (у З. А. Малиновской) остается изъ бывшей труппы одинъ только г. Путята.

Послѣднія двѣ недѣли почти сплошь шли бенефисы: бен. г-жи Мрозовской („Джентльмены“); бен. г. Путята („Поль Петербурга такъ дѣлать“, „Анатоль“); бен. г-жи Раевской („Грѣхъ“ Пшибышевской и „Пляска семи покрывалъ“); бен. г-жи Островской („Давидъ“, поставленный подл личнымъ наблюденіемъ Шоломъ Аша, и „Ренессансъ“); прощальный бен. г-жи С. Чарусской („Полусвѣтъ“ и „Залъ для стрижки волосъ“); прощальный бенефисъ г. Мартова („На покое“).

Сборы все время, какъ въ городскомъ театрѣ, такъ и въ манежѣ, — очень хороши. Сезонъ слѣдуетъ признать удачнымъ. Чистыми г. Мартовъ взялъ около четырехъ тысячъ (сумма субсидій). Репертуаръ, хоть и нѣсколько хаотичный, но безусловно интересный. Строгая цензура театральнаго совѣта лишила публику городского театра сравнительно немногихъ пьесъ. Въ манежѣ также удалось обойтись почти безъ мелодрамъ, хотя за то къ каждой пьесѣ, идущей въ манежѣ, прилагался извѣстный „рецептъ“ исполненія. Такъ въ „М-ле Фифи“ запрещено было офицерамъ цѣловать дѣвицъ. Для „Нитушъ“ оказалось „желательно отношеніе къ полковнику (!) болѣе почтительное“ и т. д.

Изъ артистовъ большимъ успѣхомъ пользовался г. Рыбниковъ, даровитый, разнообразный актеръ, изъ артистовъ: г-жа Раевская, г-жа С. Чаруская, г-жа Островская (ком. и драм. старуха); выдѣлялись и молодыя силы: г. Путята, г. Рейхштадтъ, г. Ермоловъ, г-жа Павлоградская.

Ощущался недостатокъ въ хорошемъ „любовникѣ-героѣ“ и въ комикѣ.

М.—ръ.

ВОРОНЕЖЪ. Итоги зимняго сезона плачевны. Антрепренеръ театра Семеновъ взялъ всего за сезонъ 33 т. р., и общій результатъ сезона выражается въ убыткѣ не 2 т. р., какъ сообщалось, а значительно больше 5—6 т. р. Убытокъ былъ бы значительно больше, еслибы не послѣдніе масленичные битковые сборы, значительно поправившіе дѣла. Причина въ общихъ недостаткахъ постановки дѣла: слабость режиссерской части, отсутствіе хорошаго комика и др. Многими артистами почти совершенно не пользовались, другихъ выпускали въ совершенно подчасъ неподходящихъ роляхъ, напр. г. Горина, г-жу Скальскую-Баскакову.

Съ начала великаго поста въ городскомъ театрѣ гастролируетъ харьковская опера подл упр. Максакова. Пятую недѣлю будетъ оперетта г. Ливскаго, шестую — гастроли Варламова со своей труппой.

Мудрствованія нашихъ „отцовъ города“ съ театромъ и тенденція къ пониженію аренды кончились тѣмъ, что театръ сдать прежнему арендатору г. Струиному и притомъ на 500 р. дороже. Прежде театръ сдавался за 15 т. р. въ годъ, но за арендаторомъ осгавались такія доходныя статьи, какъ буфетъ и вѣшалка, дававшіе 11,500 р., то есть самый театръ обходился всего 3500 р., теперь городъ отнялъ всѣ эти доходныя статьи и сдаль театръ за 4 т. р. Такимъ образомъ мы имѣемъ дѣло съ скрытымъ повышеніемъ аренды.

К. Владиміровъ.

Р. С. Въ поясненіе письма въ редакцію г-жи Баскаковой. Не спорю, что г-жа Баскакова была, быть можетъ, приглашена на первыя роли. Я и назвалъ ее въ числѣ вторыхъ по вторую половину сезона, когда она дѣйствительно исполняла почти только однѣ вторыя роли.

К. В.

ЦАРИЦЫНЪ. Зимній сезонъ драм. закончился дефицитомъ. Оставшіеся актеры образовали товарищество. На этой недѣлѣ поста предполагается постановка здѣсь впервые разрешенной пьесы „Пробужденіе весны“.

РОВО. Лѣтній театръ желѣзнодорожнаго сада съ 1-го мая снятъ извѣстнымъ уже ровенцамъ антрепренеромъ Б. А. Бродеромъ. Контрактъ заключенъ на два съ половиной мѣсяца. Антрепренеръ обѣщаетъ дать труппу въ обновленномъ составѣ. Администрация сада въ условіи выговорилъ себѣ право просматривать предлагаемыя къ постановкѣ пьесы и разрѣшать по своему усмотрѣнію.

Труппа Б. А. Бродерева въ февралѣ взяла солидные сборы. Надо полагать, что и лѣтомъ дѣла будутъ хороши. Сдникъ этотъ и безъ театра всегда былъ переполняемъ публикой, не смотря на высокую входную цѣну (30 коп.).

И. Китниковъ.

КРЕМЕНЧУГЪ. Г-жа Аничкова на постъ пригласила для гастрольныхъ спектаклей К. О. Шорштейна и изъ разныхъ городовъ актеровъ и актрисъ для пополненія труппы. И вотъ несмотря на безусловный успѣхъ Шорштейна и на довольно сильную труппу сборы оказались несма плачевными, и г-жа Аничкова предложила труппѣ переѣхать въ Александрію „попробовать счастья“, т. е. если будутъ сборы — хорошо, а нѣтъ — досиданья! Часть труппы на такую комбинацію не согласилась и подала въ судъ, а часть поѣхала „пробовать счастья“.

С. А.

МАРИУПОЛЬ. Репертуаръ съ 5-го февраля по 24-е февраля — „Чертушка“, „Русскій Рокамболь“, „Пасынки жизни“, „Дѣти капитана Гранта“, „Жизнь человека“ (бенеф. Е. Г. Волконской), „Молодежь“, „Ревнзоръ“ (бенеф. Н. М. Арларова), „Брандъ“ (бенеф. В. П. Пономарева), „Ткачи“ (бенеф. І. М. Арановича), „Голосъ несовершеннолѣтней“ (бенеф. К. Д. Холлиной), „Княжна Тараканова“ и „Трагикъ по поволѣ“ (бенеф. М. М. Круглякова), „Гусарская лихорадка“ (прощ. бенеф. Я. В. Лихтера).

Сезонъ закрылся бенефисомъ Я. В. Лихтера „Гусарской лихорадкой“ и „Актеры между собой“. Бенефицианту отъ труппы былъ поднесенъ адресъ, сборъ полный. Въ общемъ сезонъ закончился крупнымъ дефицитомъ и отъ дальнѣйшей антрепризы въ Мариуполь Я. В. Лихтеръ отказался.

С. А.

ПРОСКУРОВЪ. Закончила спектакли драматическая труппа Н. В. Кастровскаго; труппа пробыла у насъ 2 мѣсяца. Дѣла были все время плачевны: сборы колебались отъ 40 до 100 р., между тѣмъ какъ театръ разсчитанъ на 700 руб. (полный сборъ, по цѣнамъ отъ 25 коп. до 3 руб. и ложи-бенуаръ — 5 руб., бель-этажъ — 4 р.).

Репертуаръ состоялъ изъ слѣдующихъ пьесъ: „Жизнь человека“, „Везработные“, „Мораль пани Дульской“, „Пучина“ Гейрманса, „Грядущій разсвѣтъ“, „Доходное мѣсто“ (2 р.), „Фимка“, „Шерлокъ Хольмсъ“, „Моріани“, „Новыя приключенія Шерлока Хольмса“, „Искры пожара“ — миниатюра Гр. Ге, „Жертва эпохи“ Черкеза (2 раза), „Каторжникъ“, „Судебная ошибка“, „Н—ская Гетера“ (2 раза), „На маневрахъ“, „Непогребенные“ (бенефисъ Кастровскаго — Митрофанъ Теркинъ), „Отелло“, „Въ чужой постели“, „Любовь въ гетто“ Гейрманса, „Амуръ и Кю“, „Ограбленная почта“, „Анна Каренина“ (передѣлка Евдокимова), „Трильби“, „Катерина Маслона“ (перед. Евдокимова), „Гроза“, „Клятвопреступникъ“, „Бабникъ“, „Кровь и золото“, „Эсмеральда“, „Мужъ знаменитости“ кн. Сумбатова, „Преступленіе и наказаніе“, „Дама отъ Максима“, „А ну-ка покажите...“, „Фаустъ“, „Варооломъвская ночь“, „Ворона въ павлиньихъ перьяхъ“, „Ложа № 6“ и „Мелузина“ — миниатюра Л. В. Гюнтеръ (бенефисъ Л. В. Гюнтера), „Вопросительный знакъ“ (бенефисъ Николаева), „Женщина на Марсѣ“ (бенефисъ З. П. Горевой), „Неронъ“ Вѣльскаго, „Новый міръ“ Варетта, „Желѣзная маска“, „Ноктюрнъ“ О. К. Нотовича, 2-ой актъ изъ „Лѣса“ и „Калхасъ“ Чехова.

На смѣну драматической труппы Н. В. Кастровскаго къ намъ прїѣзжаетъ на 15 спектаклей русско-малорусская оперетта Ф. В. Левицкаго.

Маркъ Штернъ.